

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка и предвузовской подготовки

МЫ ГОВОРИМ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ

Материалы IX международной межвузовской
студенческой конференции,
заочно прошедшей в РГГМУ

Санкт-Петербург
РГГМУ
2021

УДК 378:[81'1:378](063)
ББК 74.58:81в6
М94

Отв. редактор: В.Д. Денисов, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и предвузовской подготовки РГГМУ.

М94 Мы говорим на одном языке. Материалы IX международной межвузовской студенческой конференции, заочно прошедшей в РГГМУ. – Санкт-Петербург : РГГМУ, 2021. – 116 с.

Статьи и сообщения студенческой заочной конференции будут интересны специалистам-филологам, преподавателям и всем, кто занимается РКИ, лингвистикой, фразеологией, лингвокультурологией, а также студентам и магистрам-иностранцам, обучающимся в российских вузах.

УДК 378:[81'1:378](063)
ББК 74.58:81в6

© Коллектив авторов, 2021
© Российский государственный гидрометеорологический университет (РГГМУ), 2021

ЛИНГВИСТИКА

LINGUISTICS

*Подковыркина Людмила Николаевна (Россия) –
специалист НИНГУ*

Проблемы современного русского языка

Речь идет об основных проблемах современного русского языка. Описаны негативные явления, влияющие на язык молодежи, и приведены примеры.

Ключевые слова: неправильное словесное ударение, сленг, заимствования, рекламные слоганы, жаргонизмы, нецензурные выражения.

Podkovyrkina L.N. (NINGU)

Problems of the modern Russian language

These are the main problems of the modern Russian language. The negative phenomena affecting the language of young people are described and examples are given.

Keywords: incorrect word stress, slang, borrowings, advertising slogans, jargon, obscene expressions.

Сейчас многие считают, что русский язык в опасности, потому что он очень обеднел, а речевой обиход в основном заполняет англоязычная лексика. Лингвисты предупреждают о том, что язык нужно как можно скорее спасать, иначе он может утратить самобытность.

Мы постоянно получаем новую информацию из окружающего мира. Но все чаще и чаще встречаются случаи, когда искаженный язык очень активно пропагандируется СМИ и высокопоставленными чиновниками, допускающими в собственной речи большое количество ошибок, не придавая данной проблеме особого значения, хотя роль языка чрезвычайно важна: он оказывает колоссальное воздействие на наше общество.

Учеными-лингвистами определено несколько «врагов» современного русского языка:

1. Молодежный сленг.
2. Слова-паразиты и жаргонизмы.
3. Заимствованные слова.

4. Неправильное ударение в словах.
5. Рекламные слоганы.

Первой проблемой считается молодежный сленг. Сленг – это набор слов, употребляемых в определенной группе, которая дает этой совокупности или отдельным словам новое значение. Считается, что молодежный сленг распространён в возрастной группе от 12 до 23 лет, но сейчас он проникает во все группы. Чаще всего он представлен в виде заимствований (например, «хайп» – англ. тренд, мода, шумиха). Также молодежный сленг может появиться из созвучий (например, «ауф» – круто) и сокращений (например, ЧСВ – чувство собственной важности). Вот примеры часто используемых слов из молодежного сленга: буллинг – травля, пранк – розыгрыш, пруфы – доказательства, фейспалм – жест разочарования и стыда, чилить – расслабляться и др.

Вторая проблема – рекламные слоганы и сама реклама. Они делают наше общество – обществом потребления. Вечные ценности (дружба, любовь к ближнему, внимание к окружающим, ответственное отношение к языку) уже не в чести! Вот примеры наиболее известных рекламных слоганов:

- Есть перерыв... есть KitKat.
- M&Ms... в любом месте веселее вместе.
- Не тормози... Snickers'ни.
- Vanish – розовый цвет... доверься ему – и пятен нет.

В бытовом общении встречаются и слова, заимствованные из других языков, – например, роуминг, менеджер, инаугурация, прессинг, сайт. Заимствование иноязычных слов – нормальное явление, однако оно бывает как полезным, обозначающим новые понятия изобретения и т.д., так и бесполезным, когда дублируются исконные русские слова. Полезные заимствования обогащают язык, а вредные приводят к засорению нашей речи.

Немаловажная проблема – неправильное ударение в словах. Правильное определение ударной гласной в слове показывает культуру и правильность речи. Ошибки в ударениях постоянны, и это приводит к тому, что такие ударения укореняются в нашей речи. Вот примеры некоторых частотных слов, в которых чаще всего встречается ошибочное ударение:

баловАть, баловАться, но балОванный; водопровОд, мусоропро-вОд, нефтепровОд, жалюзИ, завИдно, каталОг, квартАл, красИвее, мАркетинг, мастерскИ, новорождЁнный, обеспЕчение, облегчИть,

отКупорить, звонИт, звонЯт; пулОвер, свЁкла, танцОвщик, танцОвщица; тирамисУ, тОрты, тОтчас, тУфля, фенОмен.и др.

Еще одной важной проблемой русского языка считается употребление жаргонизмов, слов-паразитов и нецензурных выражений. В ходе исследований ученые пришли к выводу, что молодежь считает употребление жаргонов, ненормативной лексики и просторечий модной тенденцией, делающей речь более краткой и эмоциональной, а также помогающей подростку прикрыть безграмотность и выделиться, то есть стать непохожим на остальных и быть в моде. Вот примеры жаргонизмов: мобила или труба, комп, ноут, мороз (холодильник), клево, отпадно, братан и проч.

Наша языковая среда обитания должна быть чистой, избавленной от вредных факторов. Поэтому борьба за культуру языка, за правильный речевой быт начинает приобретать морально-нравственный аспект, становясь задачей общекультурной, воспитательной и личностной. От каждого человека зависит в равной степени здоровье и качество общей языковой среды, которую нам необходимо оберегать и сохранять для будущих поколений в чистоте и свежести. С малых лет у детей – будущего нашей страны – должно сформироваться представление о важности чистоты русского языка. Поэтому необходимо уже сейчас воспитывать новое поколение в «дружбе» с языком и учить не «мусорить» бесполезными словами и выражениями, которые не украшают нашу речь.

Список использованной литературы

1. *Ирзабеков Василий (Фазиль)*. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека // Даниловский благовестник. – 2009. – С. 35.
2. *Ирзабеков Василий (Фазиль)*. Русское солнце, или Новые тайны русского слова // Даниловский благовестник. – 2011. – С. 37–39, 65, 107–108, 114–115.
3. *Крысин Л.П.* Язык в современном обществе. Книга для внеклассного чтения: 8–10 классы. – М.: Просвещение, 1977. – С. 1–15, 25–29.
4. Открытые уроки по курсу «Русский язык»: 5–11 класс. / Сост. Е.В. Васильева, Т.И. Канина, О.Е. Жиренко. – М.: 5 за знания, 2008. – (Методическая б-ка). – С. 10, 31.
5. Русский язык как духовный и культурный собиратель нации: Сб. трудов межрегиональной научно-практической конф., посвящённой 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя: В 2 т. / Под ред. Е.П. Бельчиковой, Н.А. Илюхиной и др. – Самара: ООО «Книга», 2009. – Т. 2. – С. 54–59, 123–145.

К вопросу об особенностях современной русской деривации

Рассматриваются особенности современной русской деривации на примере сравнительного анализа различных классификаций способов словообразования, предложенных лингвистами. Выявляются преимущества классификации В.В. Виноградова. Разграничиваются синхронные и диахронные способы словообразования.

Ключевые слова: деривация, способы словообразования, словообразовательная классификация, синхрония и диахрония в словообразовании.

Ekimova A.I. (RSHU)

To the question of the peculiarities of modern Russian derivation

The features of modern Russian derivation are considered on the example of a comparative analysis of various classifications of word formation methods proposed by linguists. The advantages of classification by V.V. Vinogradov. Synchronous and diachronous ways of word formation are distinguished.

Keywords: derivation, word formation methods, derivational classification, synchrony and diachrony in word formation.

С момента выделения словообразования в самостоятельный раздел лингвистики было создано несколько классификаций способов образования новых слов в русском языке. Первая из них была предложена В.В. Виноградовым (в настоящее время она уточнена, детализирована и дополнена). По этой классификации, есть 4 способа словообразования:

1. Лексико-семантический – новое слово образуется в результате расщепления многозначной лексемы на омонимы, например, голосовать (быть сторонником кого-то или чего-либо) и голосовать (поднятием руки просить транспорт остановиться).

2. Лексико-синтаксический – создание нового слова посредством объединения словосочетания в одну целостную единицу. Этот способ называют также слиянием, лексикализацией, например, прилагательное умалишенный (из фразеологизма ума лишенный), числительное двенадцать (из сочетания две на десять).

3. Морфолого-синтаксический (конверсия) – возникновение новых лексических единиц в результате перехода слов из одной

части речи в другую, например, отдыхающий, учащийся, командированный (переход причастия в существительное); прямиком, верхом (переход падежной формы существительного в наречие). Выделяют два процесса, характерных для этого способа: 1) лексикализация, при которой происходит превращение отдельной грамматической формы в слово новой части речи, например: наречия верхом, рядом, мигом образованы от существительных в творительном падеже, при этом бывшие окончания существительных стали наречными суффиксами; 2) семантико-грамматическое переоформление слова, сопровождающее переход прилагательных и причастий в существительные: ванная комната – ванная, больной человек – больной.

4. Морфологический – образование производного слова в результате присоединения к производящей основе (или слову) словообразовательных аффиксов, например, крыл(о) → крыл-ышк(о), крыл-ан, крыл-ач, крыл-ат(ый), бес-крыл-Ø-ый, над-крыл'-j-е и другие.

В 1979 г. В.Н Немченко предложил более развернутую, последовательную и непротиворечивую классификацию способов словообразования. Опираясь на традиции словообразовательной науки в области типологии способов диахронического словообразования, он выделил 6 основных способов диахронического словообразования: наряду с морфологическим, фонетико-морфологическим (бессуффиксный, безаффиксный), морфолого-синтаксическим, лексико-синтаксическим и семантическим (лексико-семантическим) выделен еще и фонетический способ (барин – боярин, ружьё – оружие, Зина – Зинаида, зав – заведующий). Кроме того, он предложил различать 14 способов синхронического словообразования: 9 способов образования простых производных слов и 5 способов образования сложных слов [2].

Морфологические способы словообразования названы аффиксальными, в них средством словообразования является аффикс, неморфологические способы – безаффиксными, так как словообразовательное значение мотивированного слова выражено не с помощью аффикса, а с помощью других словообразовательных средств.

К морфологическим способам словообразования относятся:

1. Префиксация – способ словообразования, при котором новые слова создаются путем присоединения к производящему слову префикса. Например: хороший → пре-хороший, делать → пере-делать. Способ продуктивен при образовании глаголов, реже имен прилагательных и существительных.

2. Суффиксация – способ словообразования, при котором новые слова образуются путём присоединения к производящей основе или целому слову суффикса. Например: люби-ть → любитель, желтый → желтизна. Наиболее широко используется при образовании имен существительных и прилагательных.

Нулевая суффиксация является особым видом суффиксального способа (образование деривата посредством нулевого суффикса). Способ менее продуктивен по сравнению с другими. С его помощью образуются только существительные от глаголов и прилагательных. Например: высокий → высь, входить → вход. Данный способ В.В. Виноградов называл фонетико-морфологическим (понятие нулевого аффикса ученый не вводил).

Е.А. Земская относит флексацию к нулевой суффиксации, отделяет от нее конверсию (субстантивацию) и определяет ее формант как «изменение функции словоизменятельных аффиксов производящего слова».

В современном русском языке есть небольшая группа таких суффиксов, которые находятся после окончания. Эти суффиксы в современном языкознании выделяются в особый вид аффиксов, а именно – постфиксов. По традиции они относятся к суффиксальному словообразованию, при этом отдельные лингвисты рассматривают их как особую разновидность внутри суффиксальных морфем. Количество постфиксов точно не определено. Обычно к постфиксам относятся морфемы: -то, -либо, -нибудь, употребляемые в составе неопределенных местоимений. Также к суффиксальным морфемам относят -ся, -сь. Например: виделось, какой-нибудь, сколько-то и другие.

Суффиксально-постфиксальный способ также можно рассматривать как разновидность суффиксального способа словообразования. С помощью данного способа слова образуются посредством одновременного присоединения к основе слова суффикса и постфикса. Продуктивен в сфере глагола. Например: гнездо → гнездиться, колос → колоситься.

3. Префиксально-суффиксальный – способ словообразования, при котором слова создаются путём одновременного присоединения к производящей базе (основе или слову) суффикса и приставки. Данный способ продуктивен в сфере имен существительных и прилагательных. Например: гора → взгорье, Москва → Подмосковье, срок → досрочный.

Производные слова данного способа словообразования в большинстве случаев отличаются от своих производящих по лексико-грамматическим признакам, то есть относятся к другой части речи (например, граница и безграничный, город и загородный), хотя возможны и такие случаи, когда производные и производящие слова относятся к одной и той же части речи (например, дорога и бездорожье, окно и подоконник). В обоих случаях на стыке производящей основы и суффикса возможны различные морфонологические явления, свойственные суффиксальному словообразованию.

Префиксально-постфиксальный способ словообразования может рассматриваться как разновидность приставочно-суффиксального. С помощью данного способа новые слова образуются путём одновременного присоединения префикса и постфикса к целому слову. В качестве постфиксальной морфемы используется глагольный аффикс -ся/-сь, в качестве префиксальных морфем – разные аффиксы: в-, вы-, за-, из- и др. Этот способ продуктивен в сфере глагола. Например: есть → наестся, плакать → расплакаться.

Префиксально-суффиксально-постфиксальный – ещё один вид приставочно-суффиксального способа словообразования. В данном случае новые слова образуются путём одновременного присоединения приставки, суффикса и постфикса к основе слова. Например: смех → насмеяться, банкрот → обанкротиться.

4. Сложение – способ словообразования, при котором слова создаются на базе не менее двух производящих основ или слов.

– Чистое сложение – слова образуются на базе сочинительного сочетания слов или подчинительного словосочетания, при котором последний компонент является целым словом, а первый компонент (компоненты) – основой. Например: темный и зеленый → темно-зеленый, научный и популярный → научно-популярный.

– Сложно-суффиксальный способ – образование сложных слов с помощью словообразовательных средств, используемых при суффиксации, и словообразовательных средств, используемых при сложении. Обычно две основы исходных слов соединяются при помощи интерфикса, при этом добавляется суффикс, например: железная дорога → железнодорожный, полтора метра → полутораметровый. Особый случай: сложение с нулевой суффиксацией, например: рыба + ловить → рыболов.

– Способом образования окказиональных слов можно считать контаминацию – сложение, при котором части обоих слов усекаются

(начало одного слова стыкуется с концом другого). Например: трагикомедия (трагедия+комедия) [2].

5. Аббревиация – сложение усеченных основ или усеченных и полных. Рассматривается как самостоятельный способ словообразования, но некоторые лингвисты относят данный способ к сложению. Продуктивен в сфере имен существительных. Например: СМИ, СПбГПУ, ЦСКА.

Современные классификации базируются на трех основаниях: 1) наличие одной или более мотивирующих основ, 2) наличие или отсутствие аффикса, 3) в случае наличия аффикса учитывается смешанное или чистое его применение. Нулевая аффиксация нашла свое место среди аффиксальных способов словообразования. В группе неаффиксальных способов формантами признаны порядок слов, место ударения, чередование и прочее [1].

Таким образом, в данной работе рассмотрены особенности современной русской деривации на примере различных классификаций способов словообразования, предложенных лингвистами. Наиболее полной и последовательной, на наш взгляд, является классификация В.В. Виноградова, поскольку в ней в систематизированном виде отражено всё многообразие способов русского словообразования. И хотя синхронные и диахронные способы словообразования в данной классификации явно не разграничены, их можно выявить самостоятельно. Так, к способам синхронного словообразования относятся все морфологические способы, морфолого-синтаксический (типа больной человек → мнимый больной), лексико-синтаксический способы (типа быстрорастворимый → от растворимый быстро). К диахронным способам относятся только неморфологические: лексико-семантический, морфолого-синтаксический (случаи, которые отражают изменение части речи в результате длительного исторического развития, например, предлог благодаря → от деепричастия благодаря), лексико-синтаксический (типа нельзя). И не случайно классификация, созданная В.В. Виноградовым еще 70 лет назад, сыграла в развитии словообразовательной теории важную роль и сохраняет свое значение в настоящее время.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Морфемика и словообразование: Учебное пособие (для студентов, магистрантов, аспирантов филологических специальностей). – Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, «Вариант-Омск», 2010. С. 173.
2. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование: Учебник для студентов высш. учеб. заведений. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. С. 296.

Кофе «латте» и кофе «эспрессо» (к вопросу о языковых нормах)

В статье рассматриваются трудности произношения и правописания названий популярных кофейных напитков *латте* и *эспрессо* в русском языке, а также возможные причины их неверного произношения и/или написания. Отмечена тенденция к переходу данных слов в категорию среднего рода.

Ключевые слова: кофе, латте, эспрессо, акцентология, орфоэпические нормы.

Potapova E.D. (RSHU)

Coffee “latte” and coffee “espresso” (on the question of language norms)

The article discusses the difficulties of pronunciation and spelling of the names of popular coffee drinks. The history of the appearance of the words latte and espresso in Russian is described, as well as the possible reasons for their incorrect pronunciation and / or spelling. There is a tendency for the transition of these words to the category of the neuter gender.

Keywords: coffee, latte, espresso, accentology, orthoepic norms.

Отражая историю русского народа, наш язык является неотделимой частью национальной культуры. В последнее время в Интернете и печатных изданиях все чаще поднимается проблема правильности русской речи, следования нормам литературного русского языка. При этом критикуют не только несоответствие нормам публичной речи, но и всеобщее снижение культуры речи, особенно у молодежи.

Россия – мировая держава – имеет торговые и деловые отношения со множеством других стран. Поэтому русский язык и стал распространённым. Например, в Италии многие решают изучать русский язык, чтобы общаться с российскими деловыми партнерами и клиентами. Вместе с тем, в современном мире социальные и политические проблемы уводят на второй план проблемы языка и культуры речи.

Далее мы расскажем про историю появления слов «латте» и «эспрессо», которые пришли в русский язык из итальянского, и проследим его влияние на произношение и написание этих слов. Следовательно, нужно 1) изучить историю появления напитков,

2) исследовать причины, по которым происходят ошибки в представленных словах.

Правильное произношение слов, правильное ударение в них свидетельствует о грамотной и культурной речи. Неправильное произношение демонстрирует низкий уровень речевой и общей культуры говорящего. Однако ни одна нормативная сфера не вызывает таких споров, как орфоэпия – наука о правильном произношении слов (от греч. *orthos* – правильный, *epos* – речь). Орфоэпические нормы – это правильное произношение отдельных звуков, сочетаний звуков, грамматических форм и в широком смысле – нормы ударения (акцентологические). Словообразовательные нормы определяют правила образования слов в русском языке. Орфографические нормы – нормы правописания слов.

Орфоэпические нормы подвижны – часто показывают сосуществование вариантов произношения и ударения. И в этом источник развития языка, который не может быть застывшим явлением. Устойчивые правила на все времена невозможны. Лингвисты не должны быть диктаторами, их задачи – увидеть тенденции в развитии нормы, определить функциональное своеобразие вариантов – нового и старого, нейтрального и стилистически окрашенного.

Акцентология (от лат. *accentus* – ударение и др.-греч. *logos* – слово, учение) изучает функционирование ударения. Акцентологические нормы – это правила, определяющие место ударного слога в словах. В разных языках ударение может иметь свои особенности. Так, в чешском, венгерском, финском языках ударение ставится на первый слог, в польском – на предпоследний, во французском – на последний слог. В русском языке ударение является свободным, то есть оно не закреплено за какой-то определенной позицией.

Заемствованные слова под воздействием различных факторов со временем могут приспособиться к законам русского произношения, например, может возникнуть другой вариант постановки ударения в слове, измениться род заимствованного слова и т.д.

Рассмотрим эти процессы более подробно на примере кофейных напитков «латте» и «эспрессо». Латте (от ит. *latte* – молоко) – это кофейный напиток, состоящий из молока и кофе эспрессо. Для русского языка слово «латте» необычно: в нем присутствует удвоенная согласная «т», также оно не склоняется. С написанием данного слова обычно сложности не возникает, но с произношением люди зачастую испытывают затруднение: «лАтте» или «латтЕ». Существует несколько объяснений неверного произношения представленного

слова. Это происходит потому, что многие ошибочно полагают, что слово заимствовано из французского языка. Ведь большинство кулинарных изысков взяты именно оттуда. А во французском языке ударение ставится на последний слог. Ещё одним объяснением является предположение, что слово пришло в славянские языки из английского языка, а в английском оно произносится с ударением на последнем слоге.

Однако родиной напитка является Италия. В итальянском языке слоги считают с конца. Большинство слов здесь имеет ударение на предпоследнем слоге, поэтому правильным, общепотребительным вариантом произношения будет «лАтте». Для того чтобы запомнить, на какой слог ставить ударение в этом слове, можно воспользоваться специальным приёмом, так называемой мнемотехникой. Нужно представить себе сочетание созвучных слов «сЛАдкий ЛАТте».

Существует еще один кофейный напиток, вызывающий вопросы и затруднения. Это эспрессо – кофейный напиток итальянского происхождения, получаемый за счет прохождения горячей воды под давлением через фильтр с молотым кофе. В переводе с итальянского «*espresso*» означает «выдавленный» – отсюда и название. Возникновение же ошибок в его написании и произношении происходит из-за сочетания элементов слов «экспресс» и «эспрессо». Незнакомые с истоками данного слова неверно трактуют его этимологию, воспринимая напиток как быстро приготовленный кофе, т.е. «ЭКспрессо». Слово экспресс означает быстрый, поэтому интуитивно его приравнивают к напитку «эспрессо». Но на самом деле «экспресс» не имеет ничего общего с кофе «эспрессо».

Добавим еще несколько слов о категории рода в названиях кофейных напитков. Как известно, слово кофе в русском языке относят к мужскому роду. Можно сказать «моё кофе, горячее кофе» только в разговорной речи, и в словаре средний род идет с пометой «разговорное». Что касается названия популярных сейчас кофейных напитков, то все они относятся к среднему роду (см. «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС»): **ко́фе** **глясе́**, нескл., с.; **ко́фе** **ла́тте**, нескл., с.; **ко́фе** **ристрéтто**, нескл., с.; **ко́фе** **эспрэ́ссо**, нескл., с.

Итак, с акцентологическими затруднениями сталкиваются по причине изменчивости и сложности постановки ударения в русском языке. В своевременном русском языке есть тенденция к упрощению в постановке ударения. Меняется также род существительных в заимствованных словах, например, «горячее кофе латте, горячее

кофе эспрессо», но «горячий кофе». Не нужно забывать о том, что нормы литературного языка – это сложное явление, которое меняется со временем. Эти изменения больше всего заметны в устной речи. Поэтому необходимо помнить о важности правильной, красиво поставленной речи и обращать внимание на истоки происхождения произносимых слов.

Список использованной литературы

1. [Электрон. ресурс] <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D1%82%D1%82%D0%B5> (дата обращения – 27.04.2021).
2. [Электрон. ресурс] <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BE> (дата обращения – 27.04.2021).
3. [Электрон. ресурс] <http://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения – 25.04.2021).
4. [Электрон. ресурс] <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%8D%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BE>] (дата обращения – 24.04.2021).

Линь Шуайань (КНР) – бакалавр СПбГУ

Типичные ошибки китайцев при употреблении видовременных форм русских глаголов и основные причины таких ошибок

В статье на основе сопоставления двух языковых систем и предположений о возможных ошибках представлен негативный языковой материал. В ходе проведенного анализа были обнаружены различные виды межъязыковых и внутриязыковых ошибок, выявлены типичные ошибки китайцев, владеющих базовым уровнем русского языка.

Ключевые слова: русский и китайский языки, типичные межъязыковые ошибки, внутриязыковые ошибки.

Lin Shuayan (St. Petersburg State University)

Typical mistakes of the Chinese when using the temporal forms of Russian verbs and the main reasons for such mistakes

In this paper, negative language material is collected on the basis of a comparison of the system of two languages and the assumption of possible errors. The analysis revealed various types of interlanguage and intra-language errors, as well as typical errors of Chinese people who speak the basic level of the Russian language.

Keywords: Russian language, Chinese language, interlanguage errors, intralanguage errors.

Русский язык является флективным языком, и его флективность проявляется, прежде всего, в глагольных формах. Если сравнить русский глагол с другими частями речи, то нетрудно заметить, что глагол имеет наибольшее количество грамматических категорий: время, вид, залог, возвратность, переходность, лицо, число, род. Это и обуславливает совершение ошибок разного рода носителями других языков, поскольку данные категории не только противопоставляются системе категорий в их родном языке, но и сами по себе достаточно противоречивы: в системе видовременных форм русского глагола много исключений и нестандартных грамматических явлений, которые «мешают» учащимся при изучении русского языка.

Чтобы собрать **негативный языковой материал** [3, с. 24–39] для исследования, во-первых, мы сопоставили системы двух языков и предположили возможные ошибки, а во-вторых, записали ошибки,

встретившиеся в речи китайцев первого уровня владения русским языком, и классифицировали их. И наконец, чтобы выявить, какие типы ошибок являются наиболее распространенными и получить более точные данные, мы на основе собранных ошибок составили тест и провели эксперимент.

На основе проведённого анализа и данных, полученных в результате эксперимента, мы обнаружили следующие виды типичных **межъязыковых** ошибок [1, с. 160].

1. Неправильное употребление глаголов в конструкциях времени: «НСВ + сколько времени»; «СВ + за сколько времени». **Готовить за один час ужин; Использовать один час, чтобы приготовить ужин (вместо: Приготовить за 1 час ужин).*

2. Неправильное употребление глаголов в простой и сложной формах будущего времени. **Завтра я буду поездить в Китай (вместо: Завтра я поеду в Китай).*

3. Неправильное употребление глаголов СВ и НСВ в форме императива (в том числе негативного императива) в разных значениях. **Не забывай поздравить её с днём рождения! (вместо: Не забудь поздравить её с днём рождения!).*

4. Неправильное употребление глаголов СВ и НСВ в форме инфинитива (в том числе в негативных конструкциях) в разных значениях. **Нельзя перейти улицу на красный свет (вместо: Нельзя переходить улицу на красный свет).*

5. Ошибки, связанные с употреблением глаголов в ситуациях сохранения или отмены результата действия на момент речи. **Вчера к нам пришли гости. Было очень весело (вместо: Вчера к нам приходили гости. Было очень весело).*

6. Ошибки, связанные с непониманием того, какое состояние действия важнее к моменту речи – процесс или результат, в большинстве случаев китайцам непонятно общефактическое значение НСВ, при котором неважен результат действия:

– *Вы встречались с ним на этой неделе?*

*– *Да, вчера я его увидел (вместо: Да, вчера я его видел).*

На основе проведённого анализа и полученных данных мы обнаружили следующие виды **внутриязыковых** ошибок [1, с. 160].

Ошибки, связанные со словообразованием

1. Образование пары глаголов одного вида. Типичная ошибка: **купить (СВ) – покупить (СВ) [вместо: купить (СВ) – покупать (НСВ)].*

2. Образование глаголов движения с приставкой, которое сопровождается изменением глагольной основы. Типичные ошибки – смешение данных глаголов: **ездить – выездить; плавать – выплывать – проплавать; таскать – вытаскать (вместо: ездить – выезжать; плавать – выплывать, проплывать; таскать – вытаскивать).*

**Ежедневно он проплавал по два-три километра (вместо: Ежедневно он проплывал по два-три километра).*

3. Ошибки, связанные с определением вида глаголов движения с приставками по- и про-, обозначающими время:

– *Что ты будешь делать завтра?*

**– Ничего особенного. Сначала немного пойду в парке, потом чуть-чуть поплыву в бассейне (вместо: – Сначала немного похожу в парке, потом чуть-чуть поплаваю в бассейне).*

4. Ошибки, связанные с употреблением двувидовых глаголов: *жениться, организовать, обещать, использовать.*

5. Смещение глаголов, имеющих паронимические формы, которые относятся к разным глагольным видам и отличаются различной семантикой. *Например, провести (СВ) – проводить (НСВ) и проводить (СВ) – провожать (НСВ).*

6. Ошибки, связанные с устойчивыми словосочетаниями и устойчивыми синтаксическими конструкциями:

а) Существует ряд глаголов и устойчивых конструкций, которые могут сочетаться только с инфинитивом НСВ или СВ. **Я привык выпить кофе после обеда (вместо: Я уже привык пить кофе после обеда).*

б) В условном наклонении используется только форма прошедшего времени. **Если бы завтра был конец света, я бы подведу итог пройденной жизни (вместо: Если бы завтра был конец света, я бы подвёл итог пройденной жизни).*

в) Модальные предложения с закреплёнными видами: **В аудиторию нельзя войти: там идёт экзамен (вместо: В аудиторию нельзя входить: там идёт экзамен).*

7. Ошибки при указании на связь действия с настоящим временем. Например, после наречия «уже» учащиеся используют глагол СВ:

– *Как проходил экзамен по практическому русскому языку?*

**– Я уже рассказал. Стоит ли повторять? (вместо: Я уже рассказывал. Стоит ли повторять?)*

На основе вышеупомянутых видов ошибок мы составили тест и провели эксперимент в виде тестирования, чтобы исследовать

правильное употребление видовременных форм. Информантами были 35 студентов первого уровня, носителей китайского языка, которые изучают русский язык. Итоги теста представлены в таблице.

Обобщение результатов эксперимента

«Употребление видов русского глагола носителями китайского языка»

Виды лексико-грамматических ошибок	Количество респондентов, допустивших ошибки	Процент ошибок
«НСВ + сколько времени»; «СВ + за сколько времени»	2	5,7%
Глаголы в простой и сложной формах будущего времени	13	37,1%
Виды императива в разных значениях	18	51,4%
Виды инфинитива в разных значениях	11	31,4%
Глаголы со значением сохранения или отмены результата действия	14	40%
Общефактическое значение НСВ	10	28,6%
Состояние действия – процесс или результат действия.	НСВ – 21	60%
	СВ – 5	14,3%
Образование глаголов одного вида от другого	8	22,8%
Вид глаголов движения с приставками по-, про-, обозначающими время	14	40%
Глагол НСВ после слова «уже»	30	85,7%
Двувидовые глаголы	19	54,3%
Глаголы, имеющие паронимические формы, которые относятся к разным видам и отличаются различной семантикой	26	74,3%
Устойчивые словосочетания и устойчивые синтаксические конструкции	9	25,7%

Цифры в данной таблице показывают: нельзя считать, что носители китайского языка легко разграничивают все значения глаголов НСВ и СВ. Исходя из полученных данных, можно отметить, что для китайцев самый распространённый тип ошибок – это постоянное спонтанное употребление глаголов СВ после наречия «уже». Учащиеся при этом не акцентируют внимание на том, какое состояние действия важнее к моменту речи – процесс или его результат, для них слово «уже» стало признаком результативного действия. И хотя в большинстве случаев это слово сопровождает глагол СВ, однако, если говорящий хочет подчеркнуть само действие, а не результат, в такой ситуации необходимо использовать глагол НСВ, и наречие «уже» не является препятствием для его употребления.

Таким образом, проблема видов глагола, обозначающих процесс и результат действия, наиболее актуальна для носителей китайского языка. Мы разделили ошибки данного типа на две группы: первая – использование глагола СВ вместо глагола НСВ, вторая – использование глагола НСВ вместо глагола СВ. Сравнивая полученные данные, мы получили следующие результаты: количество респондентов, использующих глагол СВ вместо НСВ, более чем в 4 раза превосходит количество респондентов, использующих глагол НСВ вместо СВ. Это значит, что китайцам трудно воспринимать глагол НСВ прошедшего времени в качестве глагола, обозначающего процесс действия, и они вместо глагола НСВ используют глагол СВ.

Носители китайского языка также неудачно употребляют глаголы, имеющие паронимические формы, ошибки такого типа совершают 74,3% информантов. Они смешивают две паронимические формы и не понимают, что эти формы относятся к разным глагольным видам и отличаются различной семантикой.

Кроме того, 54,3% китайцев не знают, что слова типа «использовать» и «организовать» представляют собой двувидовые глаголы, и считают, что они имеют видовую пару: «пользовать – использовать», «организовать – заорганизовать». И ещё почти половина учащихся смешивает виды глаголов в форме императива, имеющих разные значения.

Если ошибка одного и того же типа повторяется более, чем у 50% ($\geq 50\%$) учащихся, можно считать, что такие ошибки являются типичными. Поэтому, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что типичными ошибками китайцев базового уровня владения русским языком являются следующие:

1. Ошибки, связанные с употреблением глаголов СВ и НСВ после наречия «уже».

2. Смешение глаголов, имеющих паронимические формы, которые относятся к разным видам и отличаются различной семантикой.

3. Ошибки, связанные с непониманием того, какое состояние действия важнее к моменту речи – процесс действия или его результат.

4. Ошибки, связанные с употреблением двувидовых глаголов: *жениться, организовать, обещать, использовать*.

5. Неправильное употребление видов глаголов в форме императива в разных значениях.

Анализ показывает, что основными причинами совершения межъязыковых интерференционных ошибок являются следующие:

1. Лексико-грамматические лакуны: некоторые грамматические категории изучаемого языка отсутствуют в китайском языке. Например, в нем нет категории повелительного наклонения. Поэтому отсутствие данной категории в родном языке затрудняет восприятие видов глагольного императива китайскими учащимися.

2. Между лексическими единицами или синтаксическими конструкциями нет существенной разницы при переводе на родной язык. Например, если перевести глаголы с аспектуальными значениями, которые отражают особенности протекания действия: однократность, повторяемость, процессуальность и т.д. на китайский, то перевод будет лишен данных значений.

Одной из главных причин совершения внутриязыковых интерференционных ошибок является сверхгенерализация: распространение широкоупотребительного правила на все ситуации. По этой причине учащиеся совершают ошибки не только в видовременных формах глагола, но и в других языковых категориях, можно сказать, что она представляет собой общелингвистическую причину.

Мы обнаружили ещё одну важную причину совершения ошибок – она собственно видовременная, о ней до сих пор еще не было упоминаний. Её можно назвать «ошибкой по привычке». В отличие от сверхгенерализации, ошибки такого типа появляются именно при употреблении русских глагольных видовременных форм. Их совершают из-за привычного употребления того или иного вида или какой-либо формы глагола. Например, в русском языке есть глаголы, которые в большинстве случаев употребляются в форме НСВ, или же после какого-то слова обычно употребляется глагол СВ. А если попадаете нетипичный контекст, где необходимо использовать глагол другого вида, зачастую китайские учащиеся предлагают неправильный вариант. Например, типичные ситуации: глаголы *победить, попробовать, родиться, заболеть* чаще употребляются в форме СВ прошедшего времени, и глагол СВ чаще употребляется после слова «уже». Но если учащиеся сталкиваются с ситуациями, в которых необходимо употребление глагола НСВ, они привычно используют глагол СВ. И независимо от того, какая это интерференция [2, с. 22] – внутриязыковая или межъязыковая, они связаны с психологическими причинами.

Однако существует ещё одна причина, о которой нельзя не сказать при анализе ошибок в употреблении видовременных форм

русского глагола, – методическая. Так, в вузах Китая широко применяют учебник «Русский язык “Восток”», изданный Пекинским университетом иностранных языков, а на подготовительном факультете чаще всего используют пособия «Дорога в Россию» и «Русский язык: Первые шаги» издательства «Златоуст». То есть, по нашему исследованию, нет таких учебных пособий РКИ для китайских учащихся, где бы отдельно рассматривались русские двувидовые глаголы, поэтому студенты считают, что все русские глаголы имеют видовую пару.

Кроме того, довольно часто в учебниках в одном упражнении можно встретить одновременно приставки, которые вносят грамматическое или лексическое значение. Студенты привыкают к тому, что первый глагол всегда НСВ, обозначающий процесс, а второй глагол в паре всегда СВ, обозначающий результат. Поэтому значение глагола с лексическими приставками студенты по привычке тоже определяют как результат действия. Именно по этой причине формируются устойчивые ошибки у носителей китайского языка.

Список литературы

1. *Белянин В.П.* Психолингвистика. Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования: Пер. с англ. – Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.
3. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.

Ляо Илин (КНР) – бакалавр СПбГУ

Сравнение русских осложненных глагольных сказуемых, выражающих длительность и непрерывность действия, с их эквивалентами в китайском языке

В работе использованы описательный метод исследования, метод сравнительного анализа, приём сплошной и частичной выборки исследуемого материала. Для выявления особенностей русских осложненных глагольных сказуемых, обозначающих длительность, непрерывность или повтор действия, изучаются объекты исследования в электронных базах лингвистических данных и художественных текстах. Сравнение с китайскими эквивалентами позволяет определить сходство и различие китайского и русского языков.

Ключевые слова: осложнённое глагольное сказуемое, семантика времени, эквивалентные конструкции, русский и китайский языки.

Liao Yilin (St. Petersburg State University)

Comparison of Russian complex verb predicates expressing duration and continuity of action with their equivalents in Chinese language

The paper uses a descriptive research method, a comparative analysis method, and a complete and partial sampling of the material under study. To identify the features of Russian complicated verbal predicates, denoting the duration, continuity or repetition of an action, research objects are studied in electronic databases of linguistic data and literary texts. Comparison with Chinese equivalents allows you to determine the similarities and differences between the Chinese and Russian languages.

Keywords: complicated verb predicate, semantics of tense, equivalent constructions, Russian and Chinese languages.

Сказуемое – это главный член двусоставного предложения, который обычно согласуется с подлежащим (в числе, в лице или в роде) и обозначает в речи действие, свойство, качество и т. д. Типичной частью речи для выражения этого значения является глагол. Глагольному сказуемому присущи те особенности, которые выражают временные характеристики действия, такие как категория времени (настоящее, будущее и прошедшее время) и категория вида, указывающая на совершенность и несовершенность действия.

Осложнённое сказуемое – особая форма сказуемого, наиболее часто используемая в разговорной речи. Форма осложнённых

сказуемых не меняет их значения, она добавляет эмоциональные выражения, такие как отношения говорящего к действию.

Иностранцы учащиеся в процессе обучения русскому языку не полностью понимают семантику данной формы осложнённого сказуемого и не умеют ее использовать, поэтому они делают определенные ошибки при общении или чтении литературы. В нашей работе мы сравниваем осложнённые сказуемые, выражающие длительность действий, с китайскими эквивалентами, чтобы показать сходство и различие этих языков.

По характеру осложняющих средств сказуемые можно разделить на две конструктивные разновидности: I) спрягаемые глаголы в повторах грамматического характера; II) глаголы с другими частями речи (Лекант, 1976; Искренкова, 2009).

I. Спрягаемые глаголы в повторах грамматического характера.

Повторение глаголов несовершенного вида

Глагол обычно указывает на конкретное действие. Повтор его одинаковых форм НСВ обозначает длительность предикативного признака. При этом между двумя глаголами могут быть поставлены запятая, дефис (-) или союзы. Приведём примеры из Национального корпуса русского языка:

1. *Но все равно писал и писал, потому что этот бесфамильный офицер увел его дочь* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед).

2. *Я думал-думал и в конце концов пришёл к выводу, что думать тут не о чём...* (Вера Белоусова. Второй выстрел).

3. *Так он ходил, ходил, искал, искал, и прошло уже десять дней, а так он ничего не нашёл* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В китайском языке эта форма совпадает с русской, но с добавлением экспрессивных частиц «啊», «呀», которые выражают восхищение.

1. 他走啊, 走啊, 总是走不到宿舍。(宗璞)

Он ходит и ходит, но не может добраться до общежития.

2. ...看呀看呀的, 端详了好一会。(冯德英)

...смотрел и смотрел на него некоторое время.

Сочетание основного глагола с однокоренным глаголом

При этом беспрефиксные глаголы НСВ сочетаются с однокоренными приставочными глаголами. Данная форма обозначает длительность или многократность.

1. *Пошёл дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.* (Русская народная сказка «Репка»).

2. *Говорит она, как бы отвечая на замечание ямщика, — а вы тут, поди, чай, с утра раннего ждете-поджидаете...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Мы считаем, что в китайском языке форма «глагол + 了 + 又 + глагол» для выражения значения данного типа осложнённых сказуемых используется только в прошедшем времени. Поскольку формы китайских глаголов не меняются, то используются словообразовательные суффиксы, например, «了», «着», «过». Среди них «了» обозначает результат в прошедшем времени, а наречие «又» (*снова*) обозначает многократность действий.

1. 江涛反来复去, 看了又看。(梁斌)

Цзян Тао ворочался, смотрел-посмотрел.

2. 皮普准等了又等, 不停地看表, 终于, 两个小时过去。(残雪)

Пип ждал-подождал, постоянно смотрел на свои часы, и в конце концов прошло два часа.

II. Глаголы с другими частями речи.

Сочетание глаголов НСВ с частицей «так и», «так вот и»

Осложнённое сказуемое, составленное из глаголов НСВ и частиц «так и», «так вот и», обозначает долгосрочное и решительное действие, иногда используется повтор этой формы.

1. *Так вот и сидит там до сих пор* (Вячеслав Дурненков. Мир молится за меня).

2. *А народ-то, господи, — точно у нас на пароме. Так и бегут, так и бегут.* (А.И. Куприн. Черный туман).

Для выражения долгосрочного действия в китайском языке с глаголами используются наречия «一直(总是)», которые обозначают «всё время» или «постоянно».

1. 自从今天早晨她就一直一个人坐着。(林语堂)

Она всё время сидит одна с утра.

2. 他总是坐在靠窗户一张桌子的东头的座位。(汪曾祺)

Он всегда сидел на восточном углу стола у окна.

Сочетание глаголов с частицей «знай», «знай себе»

Такая форма осложнённых сказуемых имеет дополнительные оттенки длительности и непрерывности действия. Приведём примеры из Национального корпуса русского языка:

1. *Ведь мы в свое время знай работали* (Дмитрий Соколов-Митрич. Дайте бабе удочку).

2. *Игорьку тоже понравилось. Стоит знай себе похихатывает* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова).

В китайском языке для этого с глаголами могут использоваться наречия «只知道», «只顾着», которые переводится на русский язык как «только (и знать)».

1. 白嘉轩只顾着一袋接一袋吸烟。(陈忠实)

Бай Цзяшунь только и знает курить одну пачку за другой.

2. 他们不笑话谁, 不挑拨事, 他们只知道玩耍。(老舍)

Они ни над кем не смеются, не возбуждают, только играют.

Сравнивая осложнённые сказуемые в русском языке и эквивалентные китайские конструкции, мы выявили и соответствия, и различия между двумя языками. Временная семантика осложнённых сказуемых в русском языке, означающая длительность действий, похожа на китайскую. Наибольшая разница заключается в том, что русский язык является флектирующим, поэтому формы осложнённых сказуемых, выражающие длительность действий, разнообразны. В китайском языке отсутствуют формы осложнённых сказуемых, поэтому, кроме повтора глаголов, долгосрочные действия чаще всего выражаются соединением глагола с наречием (Горелов, 1989).

Список использованной литературы

1. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
2. Искренкова М.С. Осложнение простого глагольного сказуемого в современном языке: монография. – Владимир: ВФ РУК, 2009. – 109 с.
3. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1976. – 143 с.
4. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 2004. – 247 с.
5. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
6. 梁洪琦. 俄语简单动词性谓语繁化形式及其与汉语的对比[J]. 外语教育研究, 2016: 1–5.

Электронные ресурсы

7. BCC 现代汉语语料. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения – 18.03.2021).
8. Китайско-русский и русско-китайский словарь онлайн. – URL: <https://www.zhonga.ru/> (дата обращения – 10.03.2021).
9. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 19.03.2021).
10. Словари и энциклопедии на интернет-портале «Академик». – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения – 12.03.2021).

Чжоу Биньбинь (КНР) – аспирант СПбГУ

Особенности типологии оценочных значений в лингвистике

В статье рассматриваются различные классификации оценочных значений в лингвистике. Хотя понятие оценки как лингвистическая категория входит в филологические науки в начале XX в., но до сих пор вопрос о типологии оценки является спорным, так как в зависимости от разных критериев исследователи дают ей различные оценки.

Ключевые слова: оценка; типология оценочных значений; классификация оценок.

Zhou Binbin (St. Petersburg State University)

Features of the typology of estimated values in linguistics

The article discusses various classifications of estimated values in linguistics. Although the concept of assessment as a linguistic category is included in philological science at the beginning of the twentieth century. But until now, the question of the typology of the assessment is controversial or open. Since, depending on various criteria, researchers divide the assessment into different ones.

Keywords: assessment, typology of estimated values, classification of estimates.

Категория оценки привлекала внимание исследователей не только в философии, логике, педагогике и психологии, но и в лингвистике. Понятие оценки как лингвистической категории ввёл в научный оборот Шарль Бали в начале XX в. Анализу оценочных значений посвятили свои исследования Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, В.И. Карасик, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев, И.Б. Левонтина и некоторые другие лингвисты. В лингвистике под оценкой понимают «действие субъекта: приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту, фиксация объекта на оценочной шкале и в аксиологическом поле» [5, с. 101]. Таким образом, оценочность рассматривается в качестве свойства той или иной языковой единицы выражать положительные или отрицательные значения.

Среди оценочных значений на основе аксиологической интерпретации (т. е. с помощью противопоставления понятий хорошо /

плохо) выделяют оценку позитивную и негативную. «...оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [2, с. 5]. Так как отрицательная оценка тесно связана с понятием отрицания, в лингвистике она рассматривается как частное проявление отрицания – неприятия того, что вызывает у носителей языка негативные чувства, связанные с самыми разными аспектами их жизни: личной, социально-общественной, профессиональной, культурной и т.д. Положительная оценка – это, напротив, приятие того, что вызывает у носителей языка позитивные чувства. Но есть и третья сторона. Так, по мнению С.С. Хидекеля и Г.Г. Кошеля, эти полярные оценки предполагают и «некую нулевую... которая выступает в качестве точки отсчета при оценочной квалификации объекта» [7, с. 11], – т. е. они считают, что нулевая оценка выражает нейтральное отношение к оцениваемому объекту. Таким образом, типы оценки, которые носят наиболее обобщенный характер: позитивная, нулевая и негативная, – выражаются с помощью 3 значений аксиологического оператора – «хорошо / нормально / плохо».

Однако, кроме деления на положительную и отрицательную оценку (обще-оценочные значения), в лингвистике выделяются различные типы частно-оценочных значений. Н.Д. Арутюнова выделяет два противопоставленных типа оценочных значений: обще-оценочные и частно-оценочные. Она считает, что «первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный и др.). Эти прилагательные выражают <...> аксиологический итог» [1, с. 75].

Вторая группа представляется более обширной и разнообразной. По мнению Н.Д. Арутюновой, в значение частной оценки «входит какой-либо дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки (например, способ мотивации, отношение к цели) <...> в неё входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [1, с. 71, 75]. В зависимости от точки зрения, т. е. мотивации, автор разделила частно-оценочные значения на несколько групп: оценки сенсорно-вкусовые (*вкусный* – *невкусный*), психологические (интеллектуальные и эмоциональные оценки: *умный* – *глупый*, *радостный* – *печальный*), эстетические (*красивый* – *некрасивый*), этические (*добрый* – *злой*), утилитарные

(*полезный – вредный*), нормативные (*стандартный – нестандартный*) и телеологические (*эффективный – неэффективный*).

Если говорить о природе оценочных значений в лингвистике, то все исследователи в той или иной мере выделяют эмоциональную и рациональную оценочные составляющие в составе высказывания. Таким образом, в языке существуют две основные разновидности оценочных значений: 1) рациональная оценка, включающая оценочные понятия и предикаты, из которых составляются нормативные суждения, и 2) эмоциональная (субъективная) оценка, сигнализирующая об отношении говорящего к предмету речи, а также к отдельным параметрам речевой ситуации. Рациональная оценка связана с мышлением и имеет логическую природу. Она является результатом осмысления предмета с точки зрения его соответствия выработанным в обществе стандартам: этическим, эстетическим, правовым и т.д. Эмоциональная (субъективная) оценка соотносится с чувствами и является средством выражения эмотивной функции языка, в частности – категорий эмоциональности и экспрессивности, не только позиционно связанных с оценочностью, но и обусловленных ею.

Наряду с делением оценочных значений на рациональные и эмоциональные, в лингвистике существуют и другие классификации, в основе которых лежат социально-общественные критерии объективности и субъективности.

Человек, с одной стороны, является членом общества, а с другой – представляет собой индивидуальность: личность со своей точкой зрения и своими взглядами на окружающую действительность. В результате этого субъективная оценка, которая является проявлением индивидуальности оценивающего субъекта, не всегда соответствует общепринятой системе ценностей. А объективная оценка отражает представления социума, для которого на первом месте – общепринятые правила, стандарты, нормы.

Кроме того, в зависимости от характера основания оценки А.А. Ивин подразделяет оценки на «абсолютные и относительные, или сравнительные» [4, с. 134–137]. По его мнению, абсолютные оценки выражаются при помощи терминов «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличный». Сравнительные оценки выражаются с помощью терминов «лучше», «хуже», «равноценно».

Основу для разграничения оценочных значений на абсолютные и относительные Е.М. Вольф соотносит с количеством объектов сравнения. Она отмечает, что «при абсолютной оценке речь идет,

как правило, об одном оценочной объекте, при сравнительной – имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта», и «абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом» [3, с. 15].

Помимо этого, в зависимости от форм выражения оценочные значения в языке можно разделить на эксплицитные и имплицитные. Первые выражаются непосредственно с помощью языковых средств; вторые – опосредовано, через содержание. При этом два объекта могут сравниваться между собой на основе некоторого свойства или по их состоянию. М.Р. Таирова отмечает, что «эксплицитная оценка выражается специализированными средствами, например: словами с соответствующей коннотацией; особыми типами предложений; интонацией; некоторыми стилистическими приемами и т. д. Имплицитная оценка создается особой организацией контекста, включающего разного рода намеки и ассоциации» [6, с. 66].

Таким образом, в настоящее время в науке существуют различные классификации оценочных значений, которые опираются на формальные или содержательные показатели. Стоит отметить, что наиболее полно структура оценочных значений отражена в лингвистических работах. Это неслучайно, потому что язык дает нам возможность отображать все типы оценок, которые существуют в природе и обществе. Вместе с тем вопрос о типологии оценочных значений и о том, что должно лежать в ее основе, до сих пор остается открытым. И это исследование представляется нам весьма перспективным!

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 229 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970. – 228 с.
5. Марьянчик В.А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – № 1. – С. 100–103.
6. Таирова М.Р. К вопросу о понятии оценки как лингвистической категории // Известия ЮФУ. Филолог. науки. – 2010. – Вып. 1. – С. 60–68.
7. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 11–16.

Ван Мэйянь (КНР) – аспирант СПбГУ

**Функционально-семантическая структура
реактивных регистров в интеральной
монологической речи персонажа (на материале
романа В. Набокова «Камера обскура»)**

Статья посвящена описанию оценочной семантической структуры реактивных регистров в интеральной монологической речи персонажа, специфике её речевого выражения и прагматических функциях.

Ключевые слова: интеральный монолог персонажа, реактивный регистр, оценочные позиции, речевая структура, коммуникативные функции.

Wang Meiyang (St. Petersburg State University)

**Functional and semantic structure
of reactive registers in the character's interactive
monologue (based on the novel "Camera Obscura"
by V. Nabokov)**

The article is devoted to the description of the evaluative semantic structure of reactive registers in the character's internal monologue, its specifics of speech expression and pragmatic functions.

Keywords: character's internal monologue, reactive register, evaluative positions, speech structure, communicative functions.

Особенным видом художественной монологической речи служит интеральный монолог, представляющий собой внутреннее размышление, разговор с самим собой либо с предполагаемым собеседником, с которым не может быть полноценного общения [2, с. 78]. Интеральная монологическая речь как внутренний диалог персонажа, по мнению Ю.М. Сергеевой, адресована самому себе и выполняет внутренне-коммуникативную функцию [4, с. 138]. Интеральный монолог выражает смысловые позиции персонажа в процессе взаимодействия оценочных суждений, эмоциональных реакций субъекта речи, одновременно демонстрируя и диалогичность, и целостность монологической речи.

В структуре интеральной речи особую позицию занимает реактивный регистр, содержащий оценочную реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию, на наблюдаемое положение дел,

положительное или отрицательное отношение к происходящему [1, с. 33]. Представляя собой ответную реакцию, такие реплики обозначают обратную связь в процессе внутреннего диалога с самим собой, происходящего в сознании персонажа. Реактивный регистр маркирует процесс внутренней борьбы персонажа с самим собой, указывает на противоречивые позиции в размышлениях и играет важную роль в ситуации выбора и принятии решений. Так, например, в романе В. Набокова «Камера обскура» главный персонаж Бруно Кречмар в интеральных монологах оценивает своё отношение к жене Аннелизе и любовнице Магде, семейную жизнь и внебрачный роман, а также самого себя, своё психологическое состояние и пересматривает собственные жизненные ценности.

Реактивные регистры во внутренних размышлениях персонажа обнаруживают градацию эмоционально-оценочных предпочтений. В одном из первых эпизодов интерального монолога персонажа показано ценностное противопоставление семейного быта и любовной иллюзии: **«Какое мне дело до этого Горна, до рассуждений Макса, до шоколадного крема... Со мной происходит нечто невероятное»** [3, с. 11]. В первом реактивном регистре синтаксический параллелизм *Какое мне дело до... до... до...* экспрессивно выражает раздражение и равнодушие персонажа к происходящему в семье, а второй реактивный регистр *Со мной происходит нечто невероятное* указывает на эмоциональную ценность и необычайный интерес персонажа к возможному внебрачному роману. Реакции персонажа обнаруживают динамику его внутреннего эмоционального состояния и проявляют оценочное предпочтение: от равнодушия к семейному быту к увлечённости возможной изменой.

В следующем фрагменте интерального монолога выражены оценочные реакции персонажа на желание знакомства с Магдой, с одной стороны, а с другой стороны, на эмоциональное состояние в семейной жизни: **«Дюжинный донжуан сегодня же с ней бы познакомился... Какая чепуха... Ведь я счастлив... Чего же мне ещё?»** [3, с. 18–19]. То есть Бруно Кречмар сравнивает себя с известным прототипом покорителя женщин – *дюжинным донжуаном* – и осознает свою нерешительность и несостоятельность в этой роли. В реактивном регистре *Какая чепуха* проявляется экспрессивная отрицательная оценка мыслей о возможной измене. Затем следует оценка психологического состояния в семейной жизни *Ведь я счастлив*, а в другом реактивном регистре *Чего же мне ещё?* выражена эмоциональная оценка в виде риторического вопроса. В шкале

традиционных жизненных ценностей и желаний *быть счастливым* в семейной жизни занимает высшую позицию, поэтому значение риторического вопроса передает желание персонажа довольствоваться традиционными ценностями. В данной интеральной монологической речи реактивные реплики персонажа выражают отрицание возможной измены и признание традиционной ценности счастливой семейной жизни.

Однако более детальные размышления персонажа о разговорах в семье передают реакцию психологического восприятия общей атмосферы: **«Неважно, что говорили, – важно только это ощущение повседневности, обыкновенности, простоты...»** [3, с. 37]. Синтаксическая структура реактивных регистров с контрастными наречиями *Неважно..., важно...* показывает приоритет общего впечатления от семейной жизни над частным: в принципе, суть разговоров в семье Кречмара не заботит (*неважно, что говорили*), зато важным оказывается внешнее *ощущение повседневности, обыкновенности, простоты*. В связи с этим семейный быт оценен позитивно лишь для сохранения репутации персонажа, а общая атмосфера в семье для него лишена психологической привлекательности.

В следующем фрагменте интерального монолога реакции персонажа направлены на оценку Магды и определение собственного положения в двусмысленной ситуации: **«Опасное существо... Какое, однако, фарсовое положение»** [3, с. 48]. В первом реактивном регистре персонаж даёт этически негативную оценку любовнице *опасное существо*; во втором реактивном регистре отражена осознаваемая Кречмаром комичность и фальшивость его положения в развитии отношений с Магдой, которое выражено эстетическим оценочным определением *фарсовое положение*.

Следующий фрагмент интерального монолога проявляет оценки персонажа к поведению Магды и кругу людей, в который она стремится попасть: **Нехорошо. – Там всякие матовые актёры, всякое женолюбивое хамье, и выйдет глупо, если я буду ходить за ней по пятам. А с другой стороны, ей необходима какая-нибудь забава, и меньше будет шатаний по кабакам, если ей придется встать спозаранку»** [3, с. 92]. В первом реактивном регистре персонаж даёт обличительную негативную оценку актёрской среде: *нехорошо; матовые актёры; женолюбивое хамье* – и признает риск для своей репутации в преследовании Магды: *выйдет глупо, если я буду ходить за ней по пятам*. Однако во втором реактивном регистре

выражена противоположная оправдательная интенция: Кречмар готов пойти на компромисс с собственными принципами, принимая актёрство Магды за *забаву* и найдя оправдание в том, что у неё *меньше будет шатаний по кабакам*. Смена реакций персонажа свидетельствует о смещении ценностной шкалы в пользу страсти к любовнице.

Важное смысловое значение для романа имеет интеральный монолог, где представлена рефлексия персонажа об утраченной актуальности жизни с женой и противоречивой подлинности своей новой жизни: «**Присутствие Аннелизы в доме, её шаги, её шёпот были в конце концов столь же условны и призрачны. Да, шелестящее, слабо пахнущее одеколоном воспоминание, больше ничего. Подлинная жизнь, та хитрая, увертливая, мускулистая, как змея, жизнь, жизнь, которую следовало пресечь немедленно, находилась где-то в другом месте, где? Неизвестно...**» [3, с. 214]. В первом реактивном регистре восприятие жены Аннелизы оценивается эстетически негативно как лишённое настоящей жизни: *её шаги, её шёпот были столь же условны и призрачны*. Второй реактивный регистр метафорически характеризует новую жизнь, которая связана с Магдой и оценена этически негативно как *змея: хитрая, увертливая, мускулистая*.

В сопоставительном оценочном отношении *присутствие Аннелизы в доме* персонаж воспринимает как *слабо пахнущее одеколоном воспоминание, больше ничего*, которое лишено актуальности. Новая жизнь, связанная с Магдой, подвергается нормативной оценке, в соответствии с которой *её следовало пресечь немедленно*, но именно эта жизнь принимается им за *подлинную жизнь*, которая, как и изменяющая ему Магда, ушла от него и находилась где-то в другом месте, где? Неизвестно... В этом эпизоде интерального монолога в замене иллюзорного на подлинное и подлинного на иллюзорное проявилась несостоятельность смены ценностных ориентаций.

В последнем эпизоде интеральной монологической речи персонажа представлена его рефлексия о собственной слепоте: «**...я же всё вижу, – что такое слепота? отчего я раньше не знал...**» [3, с. 220]. В первом реактивном регистре персонаж положительно оценивает свою способность при физической слепоте видеть реальное положение дел: *я же всё вижу*. Во втором реактивном регистре представлена рефлексия о собственной физической и духовной слепоте: *что такое слепота?* Итогом рефлексии становится духовное прозрение и раскаяние: *отчего я раньше не знал...*

Таким образом, реактивные регистры интеральной монологической речи маркируют динамику внутренней борьбы персонажа с самим собой и выявляют противоречивое отношение к жене и любовнице, к собственному психологическому состоянию в ситуации выбора и демонстрируют ценностные предпочтения на основании противопоставления позитивных и негативных оценок разного типа. Эстетические и нормативные оценки характеризуют семейную жизнь и его отношение к жене, сенсорные, эмотивные и утилитарные – отношение к любовнице и к связи с Магдой. При этом общими оценками для всех размышлений являются этические. Вместе с тем, в интеральной монологической речи персонажа реактивные регистры выполняют контактную, структурную, оценочную и смысловую функции.

Список литературы

1. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004. – С. 33.
2. *Лесин В.М., Пулинець О.С.* Словарь литературоведческих терминов (на укр. языке). – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1971. – С. 78.
3. *Набоков В.* Камера обскура. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 11–220.
4. *Сергеева Ю.М.* Конфликтная ситуация в интраперсональном общении и внутренний диалог как способ ее разрешения // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – Вып. 1. – М.: Прометей, 2002. – С. 129–138.

ФРАЗЕОЛОГИЯ PHRASEOLOGY

Малова Татьяна Владимировна (Россия) – бакалавр ЧГПУ

Фразеологизмы чувашского и русского языков о качествах человека

В статье рассматриваются исследования межъязыкового изучения фразеологизмов о качествах человека в чувашском и русском языках.

Ключевые слова: фразеологизмы в чувашском и русском языке, качества человека, межъязыковое изучение, устойчивые сравнения, компаративные фразеологизмы.

Malova T.V. (ChSPU)

Phraseologisms of the Chuvash and Russian languages about human qualities

The article examines the research of the interlingual study of phraseological units about the qualities of a person in the Chuvash and Russian languages.

Keywords: phraseological units in the Chuvash and Russian languages, human qualities, interlingual study, stable comparisons, comparative phraseological units.

Первый опыт научного описания фразеологии чувашского языка – монография М.Ф. Чернова «Фразеология современного чувашского языка» [16]. Межъязыковое изучение фразеологизмов таких разноструктурных языков, какими являются чувашский – самый древний из тюркских языков – и русский, можно отнести к актуальным проблемам языкознания в теоретическом и практическом плане. Некоторые аспекты сопоставительного описания русской и чувашской фразеологии затронуты в учебном пособии В.И. Орловой [14]. Один из любимых объектов межъязыкового описания – это фразеологизмы с компонентами-названиями частей тела, и чувашский и русский языки в этом отношении не являются исключениями, см., например, работы А.Г. Абрамовой, Н.И. Якимовой [1; 17].

Особое место в языке и мышлении занимают сравнения. Устойчивые сравнения (УС) есть в любом языке; их специфичность проявляется на уровне эталонов сравнения, которые обусловлены

сложившимися в определенной культуре стереотипами. «Эталон при этом понимается как образное замещение свойства человека или предмета какой-либо реалией <...> выступающей в качестве знака их доминирующего свойства...» [3, с. 41]. Обычно образы сравнений экспрессивны, наглядны, с их помощью можно описать практически всё. УС сопоставляемых языков не остались без внимания лингвистов. З.В. Гришаева написала диссертацию «Сравнительные конструкции в чувашском и русском языках», где объектом исследования являются компаративные фразеологизмы, устойчивые, полуустойчивые и индивидуально-авторские обороты, т.е. единицы языка и речи для наиболее полного представления компаративной системы двух языков [5]. Чувашские и русские сравнения рассматривались с позиций эталонности [13], методики изучения [2], структуры [8; 9], сопоставления единиц с однотипным грамматическим компонентом [4; 12] и однотипным образом сравнения [7]. Обосновывалась необходимость создания учебного словаря русских и чувашских УС [6], но, видимо, из-за того, что «систематического описания одного из разделов фразеологии – устойчивых сравнений – в чувашской лингвистике на сегодняшний день не существует» [13, с. 638], эта работа находится на этапе накопления фактов и их систематизации.

Мы остановим свое внимание на описании чувашских и русских УС, описывающих качества человека. Качество – «существенный признак, свойство, отличающие один предмет или одно лицо от другого» [15, с. 42]. Например, на материале УС сопоставляемых языков была рассмотрена назойливость как черта характера человека [10]. В данной работе нашей целью является выявление сходства и различия фразеологизмов, характеризующих личные качества человека в русском и чувашском языках с помощью компаративного анализа.

Описание личных качеств человека во фразеологии основывается как на общечеловеческих основаниях их оценки (*иметь голову на плечах = пуçĕ пур, пуçра йс пулмалла*), так и на национально-специфических, отражающих нормативные установки конкретного социума (так, для русских сова – символ мудрости: *мудрый как сова*, для чувашей же наоборот – глупости: *тăмана пек ухмах; тăмана пек* [6, с. 93]).

Глупого человека характеризуют фразеологизмы *тупой как баран – сурăх пек анра; глупа (глупая) как овца – сурăх пек тăнсăр; глуп как свинья – сысна пек ухмах; уставиться как баран на новые*

ворота – ҫёнĕ хапха ҫине пӑхакан така пек; башка не варит – пуҫ ёҫлесех каймасть; кӑшит авӑраймасть; голова соломой набита; мякина в голове – пуҫёнче арпа-сирпе /досл. в голове мякина/; дурья голова – анра пуҫ; голова дубовая – тӑм пуҫ /досл. глиняная голова/, тӑм ҫамка; голова садовая – тӑм пуҫ, тӑм писмен, анкӑ-минкӑ; каша (требуха) в голове – пуҫра нимӑр /досл. в голове пюре/; пустая голова (башка) – пуҫ ҫамка /досл. пустой лоб/. О человеке с плохой памятью говорят: дырявая голова; голова (память) как решето – ла пуҫ /досл. голова-решето/; тӑрри шӑтӑк /досл. макушка дырявая/.

Склонность не замечать очевидного из-за своей ограниченности или отсутствия интереса, быть крайне недалёким тоже можно рассматривать как качество человека: *Не видеть дальше собственного носа – сӑмси айӑнчине курмасть.*

Позитивно характеризуют ум человека фразеологизмы: *голова работает (варит) – пуҫё ёҫлет; своя голова <есть> на плечах, иметь голову на плечах – хамӑн пуҫ пур; с царем (не без царя) в голове – пуҫра пул /досл. есть в голове/.*

Часто УС, характеризующие качества человека, антонимичны – например, отвага и храбрость противопоставляются трусости. Символом смелости в обоих языках является лев: *храбрый как лев – арӑслан пек харсӑр.* В русском языке с храбрым и отважным мужчиной ассоциируется орёл (*смел как орёл*), в чувашском же царь птиц ассоциируется также и с умом (ср. с благопожеланием *Амӑрткайӑк пек ӑслӑ пулӑр, тӑмана пек тӑклӑ пулӑр / Будьте умны как орёл, неуязвимы как сова*) [6]. Представления о носителях этого качества в разных языках могут не совпадать: *сердце как у льва – хурчка пек чӑре* ‘о смелом, отважном человеке’. Сердце – символ смелости, но некоторые фразеологизмы с этим словом выражают чувство страха: *сердце падает (обрывается) – чӑре картах сикрӑ, сердце в пятки ушло – чун чӑрне вӑҫнех, ҫитрӑ сехре хӑпать.* С трусливым человеком ассоциируются заяц или ягненок: *бояться как заяц – мулкач пек хӑрама; заячья душа – мулкач чӑри; боязлив как ягненок – путек пек хӑравсӑ, а у чувашей еще и курица: чӑх чӑри пек /сердце как у курицы/. Рус. как чӑрт ладана (бояться кого-либо или чего-либо) по смыслу равнозначно чув. *шуйттан ладанран хӑранӑ пек* (пит хытӑ хӑра).*

Обычно в количественном отношении фразеологизмов с положительной оценкой качеств человека меньше, чем с отрицательной, ср.: *доброе сердце (душа) – ырӑ кӑмӑллӑ ҫын; добрый как мама – анне пек ырӑ* и *злой как волк – кашкӑр пек усал; злой как зверь – тискер*

кайӑк пек усал; как с цепи сорвался – сӑнчӑртан вӑсӑрӑнсе койнӑ йытӑ пек /досл. как с цепи сорвавшаяся собака/; урнӑ йыт пек,; злой как [цепная, бешеная] собака – йытӑ пек усал (хаяр); жестокий (свирепый) как волк – чув. кашкӑр пек хаяр.

В ходе сопоставительного анализа фразеологической картины мира чувашского и русского языков мы сделали попытку выявить общечеловеческие и национально-специфические черты некоторых качеств человека, которые обусловлены культурно-историческим развитием этих народов и обозначают индивидуальные характеристики человека и его социально обусловленные качества. Можно отметить тождество образности УС в русском и чувашском языках: *скромный как девочка – хӑр пек сӑпайлӑ; задиристый как петух – автан пек сикет; капризный как дитя – пӗчӑк ача пек кутӑн.* Но немало и национально специфичных фразеологизмов: олух царя небесного – *тӑм пӑшал /глина ружьё/ ‘глупец, тупица’; нагнать страху – сӑсӑл вӑсӑтер /досл. рассыпать отруби/; ни жив ни мертв – пӑкки тухса ўкнӑ /досл. пробки вылетели/ ‘очень испугался’, сехре хӑпӑть ‘испугаться’.*

Список литературы

1. *Абрамова А.Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Чебоксары, 2005. – 181 с.
2. *Беляева З.М., Кузнецова И.В.* Изучение в чувашской аудитории русских устойчивых сравнений с компонентом – представителем фауны // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. – 2006. – Вып. 9. – С. 309–317.
3. *Богданова Л.И., Малькова В.В.* Выявление ассоциативного потенциала слов эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 1. – С. 41–51.
4. *Бычков В.И.* Служебные слова в устойчивых сравнениях русского и чувашского языков // Великая степь: Мат-лы II форума гуманитарных наук. Международная тюркская академия. – Т. 1. – Астана: «Гылым» баспасы, 2017. С. 474–479.
5. *Гришаева З.В.* Сравнительная конструкция в чувашском и русском языках: дис. канд. филол. наук : 10.02.06. – Чебоксары, 1996. – 195 с.
6. *Кузнецова И.В.* О проекте учебного словаря русских и чувашских устойчивых сравнений // Вестник Чувашского ГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 3 (95). – Ч. 2. – С. 90–98.
7. *Кузнецова И.В., Волкова А.Г.* Устойчивые сравнения с компонентом-анимализмом в русском и чувашском языках // Оптимизация преподавания учебных дисциплин в условиях вариативности начального школьного образования. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 60–66.
8. *Кузнецова И.В., Лукина М.Р.* Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. – СПб.: Грайфсвальд: Ernst Moritz Arndt Universität, 2016. – С. 190–197.

9. *Кузнецова И.В., Петрова С.Ю.* Сопоставительный анализ русских и чувашских устойчивых сравнений // Великая степь. Мат-лы II форума гуманитарных наук. – Т. 1. – Астана, 2017. – С. 589–595.
10. *Кузнецова И.В., Петрова С.Ю.* Характер человека в русских и чувашских устойчивых сравнениях // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 243–246.
11. *Кузнецова И.В., Хрусталёва И.В.* Русские, английские и чувашские устойчивые сравнения с компонентом-орнитонимом // Инновационный подход в методике начального образования. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 75–78.
12. *Михеева С.Л.* Устойчивые сравнительные обороты с компонентом-причастием в чувашском и русском языках // Великая степь. Мат-лы II форума гуманитарных наук. – Т. 1. – С. 636–643.
13. *Михеева С.Л.* Устойчивое сравнение как средство категоризации знаний о мире (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского ГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2018. – № 1 (97). – С. 34–41.
14. *Орлова В.И.* Спецкурс по русской фразеологии в условиях двуязычия: учебное пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова, 1977. – 120 с.
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 2. – М.: Русский язык – 736 с.
16. *Чернов М.Ф.* Фразеология современного чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 174 с.
17. *Якимова Н.И.* Межъязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков // Вестник Чувашского ГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 221–224.

Налимова Елена Игоревна (Россия) – бакалавр ЧГПУ

Сопоставление русских и чувашских пословиц о дружбе и друзьях

При сопоставлении русские и чувашские пословиц выделяют эквиваленты и аналоги. Изучение русских и чувашских пословиц о дружбе и друзьях дает представление об общей, универсальной и о национальной специфике в системе взглядов этноса.

Ключевые слова: русский и чувашский языки, пословицы, эквиваленты, аналоги.

Nalimova E.I. (ChGPU)

Comparison of Russian and Chuvash proverbs about friendship and friends

When comparing Russian and Chuvash proverbs, there are equivalents and analogues. The study of Russian and Chuvash proverbs about friendship and friends gives an idea of the general, universal and national specifics in the ethnos' system of views.

Keywords: Russian and Chuvash languages, proverbs, equivalents, analogs.

Мудрость, культура, традиции народа запечатлены в его языке. Пословицы – одна из духовных ценностей, передаваемая от поколения к поколению. В них разносторонне отражён исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, взаимоотношениями, бытом и культурой. Правильное и уместное использование пословиц придаёт речи выразительность. «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [6, с. 389]. В широком понимании фразеологии пословицы относят к фразеологическим выражениям. Связь пословиц с фразеологией очень тесна, поэтому во «Фразеологический словарь русского языка», вопреки концепции его составителей, вошло много паремий и пословично-поговорочных выражений, например: *В ногах правды нет; Нашла коса на камень* и др. [11].

Если в разных планах анализировались русские и чувашские фразеологизмы [1; 5; 7], русские пословицы и паремии других

языков [9, с. 149–210], то чувашские пословицы сопоставлялись лишь с паремиями турецкого языка [8]. Сопоставление чувашских и русских пословиц не проводилось. Так как пословичный материал обширен, мы рассмотрим русские и чувашские пословицы о дружбе, друзьях, извлеченные из словарей сопоставляемых языков [2; 3; 10, 12]. Слову *друг* в чувашском языке соответствуют слова-синонимы *тус*, *юлташ*; лексема *дружба* переводится как *тусла̄х*. Дружба – одна из духовных ценностей у любого народа. Изучение русских и чувашских пословиц о дружбе и друзьях дает представление об общем, универсальном и о национальной специфике в системе взглядов этноса.

«Русский и чувашский языки различаются генеалогически и структурно-типологически. На фразеологизмы как единицы вторичного образования накладываются отпечаток первичные системы – лексика и грамматика. <...> Поэтому о полном тождестве грамматической структуры <...> говорить не приходится <...> следует пренебречь спецификой грамматики сопоставляемых языков. Так, малозначимы в плане семантики и прагматики способы соединения компонентов фразеологических единиц» [4, с. 92]. Все это относится и к пословицам.

При сопоставлении пословиц разных языков выделяют эквиваленты и аналоги. Эквивалентные пословицы равноценны переводимым паремиям по смыслу, эмоциональной окраске, экспрессии, принадлежности к одному стилю, имеют тождественный или приблизительно одинаковый состав компонентов и лексико-грамматических показателей. Полные эквиваленты соответствуют друг другу по смыслу, функции, образному содержанию и стилистическим параметрам: рус. *Человек без друзей что дерево без корней* – чув. *Юлташсӑр сын тымарсӑр йывӑс пек*. Данная пословица основана на метафорическом переносе ('не может дерево быть без корней и почвы, в которой оно растет, без этого дерево погибнет. Так и для человека друзья – они и корни, и почва'); в ней есть рифма (*друзей – корней, юлташсӑр – тымарсӑр*); сравнительная конструкция с русским компаративным союзом *что* и чувашским послелогом *пек* является сказуемым. В русском языке пословица имеет смысловый вариант иной структуры: *Дерево держится корнями, а человек – друзьями*.

Тождество семантики при разной структуре наблюдается в пословице рус. *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* – чув. *Сӑр сум пуличчен сӑр тус пултӑр* (досл. Пусть будет сто друзей, нежели сто

рублей). Значение поговорки прозрачно: ‘лучше иметь много друзей, чем много денег, ведь друзей на деньги не купишь’. Но если части русской поговорки являются односоставным предложением, то чувашской – двусоставным. Смысловое тождество при некотором различии компонентов мы видим в поговорках: рус. *Друга на деньги не купишь* – чув. *Туслăха сутăн илеймĕн* (досл. Дружбу нельзя купить); рус. *Нет друга, так ищи, а нашёл, [так] береги* – чув. *Юлташ ăук пулсан – шыра, тупсан – астуса упра* (досл. Если нет друга – ищи, нашёл – внимательно береги) или *Тусу ăук пулсан – тупма тăрăш, тупсан – упрама тăрăш* (досл. Если друга нет, старайся найти, а нашёл – старайся беречь). Ещё пример: рус. *Верному другу цены нет* – чув. *Шанчăклă тусăн хакĕ ăук* (досл. Надежный друг цены не имеет). Поговорки сопоставляемых языков могут различаться количественно, т.е. количеством компонентов: рус. *Друг дороже денег* – чув. *Ыр тус укçаран хаклăрах* (досл. Настоящий друг дороже денег). Приоритет дружбы над богатством отмечают также следующие поговорки-аналоги рус. *Дружба да братство дороже всякого богатства* – чув. *Пин ылтăн мар, пин тус эс туйан* (досл. Не тысячу золотых, тысячу друзей ты приобрети); рус. *Доброе братство милее богатства* – чув. *Укçана пуйиччен тусна пуй* (досл. Вместо того, чтобы богачество деньгами, богачество друзьями). Делают акцент на приоритете друга, которому можно всецело доверять, с которым пройдены «огонь, вода и медные трубы», поговорочные аналоги: рус. *Добрый друг лучше ста родственников* – чув. *Туслă тус тепĕр тăванран аванрах* (досл. Близкий друг лучше иного родича); чув. *Сывăх юлташ тăванран мала* (досл. Близкий друг впереди родни).

Ценность дружеских связей подчеркивают поговорки: рус. *Новых друзей наживай, а старых не утрачивай, Друг лучше старый, а платье – новое; Старый друг лучше новых двух* ‘надо предпочитать людей, которых знаешь много лет как хороших товарищей, тем, кого знаешь недолго’; чув. *Юлташ пулсан Чулхулара та килти пекех* (досл. С товарищем и в Нижнем Новгороде как у себя дома).

Приведём ещё примеры смысловых русско-чувашских поговорочных аналогов. Во многих из них поднимается тема умения выбирать себе друзей: рус. *Скажи [мне], кто твой друг, и я скажу, кто ты*; чув. *Сын юлташĕнчен паллă* (досл. Человек познается по своему другу) – ‘дружат или часто общаются похожие друг на друга люди, поэтому о человеке судят по тому, с кем он больше всего контактирует; тебя будут оценивать по твоим друзьям’. Друг – важная часть жизни, поэтому поговорки советуют: рус. *Ищи товарища*

лучше себя, а не хуже себя – чув. *Юлташу хăвăнтан лайăхрах пултăр* (досл. Друг пусть будет лучше тебя); *Юлташу хăвăнтан шанчăклă пултăр* (досл. Друг пусть будет надежнее тебя); *Тус хитрипе мар, чунёпе хитре пултăр* (досл. Пусть друг будет красив не внешне, а душой). Однако в то же время предупреждают: рус. *Не ищи друзей без изъяна – останешься без друзей* – чув. *Çитменлĕхсĕр юлташ тыракан юлташсăр тăрса юлать*. От выбора близких по духу людей зависит твоя жизнь: рус. *Какову дружбу заведешь, такую и жизнь поведешь*.

Можно выделить тематический ряд пословиц с корреляцией «друг – искренность отношений». Существует много факторов, влияющих на истинную дружбу: лесть, жадность, зависть, просто слова... Ср.: рус. *Не тот тебе друг, кто в глаза льстит, но тот тебе друг, кто заочно добро творит; Дружба крепка не лестью, а правдой и честью; Любовь не знает мести, а дружба – лести; В дружбе – правда* (чув. *Туслăхра чăнлăх*), *Враг лебезит да поразит, друг ругает да помогает* (чув. *Тайман йăпăлтатса хур тăвать, тусу тавлашса ыр тăвать*), но иногда *Говорить правду – потерять дружбу*. Не имеет аналогов в русском языке чувашская пословица *Тусу суйсан, эсĕ икĕ хут ытларах суй* (досл. Если друг соврет, ты в два раза больше солги). Если в рус. *Много друзей, коли денежки есть* говорится о множестве мнимых, корыстолюбиво окружающих обеспеченного и удачливого человека друзей, то в чув. говорится *Тус пулсан, мул та пур* (досл. Если есть друзья, есть и деньги) об истинных товарищах.

Отсутствие настоящей дружбы в жизни описывают пословицы: рус. *Друзей-то много, да друга нет* – чув. *Тус та тепĕр чух юс пулать* (досл. Иногда друг может оказаться крысой). От дружбы до вражды может быть один шаг: рус. *Дружба от недружбы близко живёт* – чув. *Тусланнă чух – тус, уйрăннă чух – сук* (досл. В дружбе – друг, в разлуке – нет). Причин тому множество: рус. *Кто скуп да жаден, тот в дружбе не ладен; Гору разрушает ветер, людскую дружбу – слова*. Дружба и вражда могут быть в пословицах рядом: рус. *Бойся друга, как врага; Больше друзей – больше и врагов* – чув. *Тус пулсан тайман та пур* (досл. Если есть друг, и враг есть).

Чуваши – скромный и дружелюбный народ. Они ценят дружбу, уважают людей. Это, конечно же, выражается и в пословицах: чув. *Юлташ пуçа çăлнă* (досл. Товарищ голову спас); чув. *Шанчăклă тус вăл – пурнăç сиплĕхĕ* (досл. Надежный друг – опора жизни). С другом иди в ногу по жизни и не отставай. Не зря в пословицах

отмечается: *Юлташиран юлни – юлташсӑр юлни* (досл. Отстать от товарища – остаться без товарища); *Юлташина ан пӑрах, юлмӑн хӑрах* (досл. Друга не бросай, не останешься один). Чувашские пословицы гласят: *Туслӑхра – вӑй* (досл. В дружбе сила); *Туслӑх чуна ӑшӑтать* (досл. Дружба душу греет).

Дружба не рождается на пустом месте, она проходит проверку в трудных жизненных ситуациях: рус. *Не проживши, друга не узнаешь; Изведен друг, коль соли вместе съевши; Коня в рати узнаешь, а друга в беде; Друг в нужде – истинный друг; Друг познаётся в беде* – чув. *Юлташ лайӑххи инкекре курӑнать* (досл. То, что друг хороший, познается в беде); рус. *Без беды друга не узнаешь* – чув. *Тус инкекре тупӑнать (Друг обретается в беде)* или в делах: чув. *Туслӑх ёсре палӑрать* (досл. Дружба познается в работе).

Пословицы призывают человека жить в дружбе, например: рус. *Для дружбы нет расстояний; Дружбу помни, а зло забывай!* Счастье за деньги не купишь, как и настоящую дружбу. Счастлив тот, кто делает своих друзей, всех своих близких и родных счастливыми. Не зря говорят: *«Птицы сильны крыльями, а люди – дружбой».*

К антипословицам можно отнести выражения с прагматическими взглядами на дружбу, образованные на базе известных паремий путем расширения их состава, иногда с некоторым изменением формы, зафиксированные в русском языке: *Не имей сто рублей, не имей сто друзей, а имей одного дружицу, который дал бы тыщу; Друга нельзя купить, зато его можно продать.*

Дружба – важная общечеловеческая ценность, которая сближает и роднит между собой самые разные народы. Знание пословиц другого народа способствует лучшему пониманию его характера, образа мыслей и владению неродным языком. Сопоставление пословиц разных народов показывает, как много общего у них в оценке тех или иных качеств человека, жизненных ситуаций, ценностных ориентиров.

Список литературы

1. *Абрамова А.Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Чебоксары, 2005. – 181 с.
2. *Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем* (Чувашские пословицы, поговорки и загадки) / [Н.Р. Романов пухса хатӑрленӗ]. – 3-мӑш кӑларӑм. – Шупашкар (Чебоксары): Чӑваш кӑнеке издательстви, 2012. – 350 с.
3. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.

4. Кузнецова И.В. О проекте учебного словаря русских и чувашских устойчивых сравнений // Вестник Чувашского ГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 3 (95). Ч. 2. – С. 90–98.
5. Кузнецова И.В., Петрова С.Ю. Сопоставительный анализ русских и чувашских устойчивых сравнений // Великая степь. Мат-лы II форума гуманитарных наук. Междунар. тюркская академия. – Т. 1. – Астана: «Гылым» баспасы, 2017. – С. 589–595.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Михеева С.Л. Устойчивое сравнение как средство категоризации знаний о мире (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского ГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2018. – № 1 (97). – С. 34–41.
8. Павлов В.В. Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Чебоксары, 2004. – 28 с.
9. Паремнология без границ / Под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. – М.: РУДН, 2020. – 244 с.
10. Пословицы: большой сборник пословиц. – [Электрон. ресурс]: <https://posloviz.ru/about.html> (дата обращения – 11.02.2021).
11. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 510 с.
12. Чăваш халăх сăмахлахĕ. – V том. Вак жанрсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1984. – 352 с.

Сопоставление русских и чувашских фразеологизмов со значением «Внешность человека»

Целью нашего исследования было выявить и сопоставить фразеологические единицы одной семантической группы, а при этом показать сходство и различие русского и чувашского языков в выборе компонентов фразеологической единицы, обусловленное национальными традициями и культурными ценностями этих этносов.

Ключевые слова: фразеологические единицы (ФЕ), семантическая группа, национально-культурное значение.

Nikolaeva M.A. (ChSPU)

Comparison of Russian and Chuvash phraseological units with the value «Human appearance»

The purpose of the study is to identify and compare phraseological units of one semantic group, while showing the similarities and differences between the Russian and Chuvash languages when choosing the components of a phraseological unit, due to national traditions and cultural values of ethnic groups.

Keywords: phraseological units (PU), semantic group, national and cultural meaning. Comparison of Russian and Chuvash phraseological units.

Фразеология русского языка всегда была предметом пристального внимания таких крупных российских ученых, как В.В. Виноградов [6; 7], Н.М. Шанский [11], В.П. Жуков [8] и др. А чувашские языковеды стали изучать фразеологизмы в XX в. Большую роль в развитии чувашской фразеологии сыграл словарь Николая Ашмарина в 17 томах, где выдающийся тюрколог и чувашевед дал толкование многих чувашских устойчивых выражений [4]. Особое внимание чувашской фразеологии уделял и профессор, доктор филологических наук Мефодий Чернов [10].

Фразеологию чувашского языка составляют сочетания слов номинативного и коммуникативного характера, отличающиеся, как и фразеологические единицы (ФЕ) русского языка, от смежных явлений целым набором основных признаков: воспроизводимостью, устойчивостью, семантической целостностью и сверхсловностью. Для ФЕ чувашского языка характерны те же дополнительные,

второстепенные признаки, что и в русском языке: образность, относительная непроницаемость, номинативность, коммуникативность, буквальная непереводаемость на другие языки и др.

Русский и чувашский языки различаются генетически и типологически, на них влияют первичные системы – лексика и грамматика. При их сопоставлении в данной статье мы не будем учитывать ни специфику грамматики сопоставляемых языков, ни частные различия: они не важны в семантико-прагматическом плане. Однако сопоставление фразеологизмов этих типологически разных языков дает возможность увидеть национальную специфику, особенно ярко проявляющуюся во фразеологии, поскольку та отражает историческую индивидуальность языкового коллектива, особенности жизни и быта народа, самобытность традиций в материальной и духовной культуре.

Сопоставительная фразеология – научное направление сравнительно молодое, но активно развивающееся. Обзор имеющейся по сравнительно-сопоставительной фразеологии лингвистической литературы позволяет сделать вывод, что для современных исследований наиболее характерно сопоставление на уровне конкретных фразеологических единиц (установление межязыковых фразеологических эквивалентов, синонимов, вариантов, омонимов и т.п.), структурно-семантических моделей фразеологических оборотов, определенных фразеосемантических полей (например, психического состояния человека, его интеллектуальных способностей) и т.д. В данной статье будут рассмотрены ФЕ со значением «Внешность человека».

Существует немало работ, посвященных анализу облика человека на материале одного языка [1; 2; 5] или в сопоставительном плане на материале двух разных языков [3; 12; 13]. Специальных работ по сопоставлению русских и чувашских фразеологизмов со значением «Внешность человека» нет. Мы используем широкий подход к составу этой группы, включаем фразеологизмы, описывающие особенности фигуры, телосложения и др. Материалом сопоставления послужили фразеологизмы из различных источников, таких как одно- и двуязычные фразеологические словари, статьи, указанные в списке литературы, диссертационные исследования, а также материалы из сети Интернет и полученные в ходе опроса студентов психолого-педагогического факультета ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

Внешность человека – зрительно воспринимаемый объект, чьи признаки способствуют задаче его идентификации с другими

людьми и – одновременно – выявлению особенностей, отличающих от них. Группу ФЕ, характеризующих внешность человека, можно представить по их семантической составляющей.

В русском и чувашском языке есть ФЕ со значением «внешнее сходство, одинаковость», но с разным компонентным составом: рус. *на одну колодку; такой же (одной) масти; одного поля ягодка; два сапога пара; капля в каплю; из одного (и того же) теста*, чув. *кас-нӑ лартнӑ* (букв. – вырезали и вставили); *пӑр тӑслӑ* (букв. – одного цвета, вида).

Самую многочисленную подгруппу составляют фразеологизмы семантического ряда «общая характеристика внешности». Примерами ФЕ фразео-семантической подгруппы со значением «красивый, привлекательный» являются: рус. *писаная красавица; кровь с молоком; глаз не нарадуется; любо-дорого глядеть; одно загляденье; глаз не оторвать*; чув. *Нарспи пек* (героиня одноименного произведения чувашского поэта К.В. Иванова); *пӑхса тӑранмалла мар* (букв. – невозможно насмотреться); *пӑр кашӑк шывпа ҫатса ямалла* (букв. – с одной ложкой воды можно проглотить); *сӑн питӑнче юн вылять* (букв. – на лице кровь играет).

К фразео-семантической подгруппе со значением «некрасивый, страшный» относятся: рус. *пугало огородное; чучело гороховое; дурен как смертный грех; ни кожи ни рожи; драная (ободранная) кошка; краше в гроб кладут*. В составе большинства чувашских ФЕ этой подгруппы есть универсальный чувашский послеслог *пек* (*пекех*), соответствующий русскому союзу *как* и его синонимам: чув. *анкарти мӑлки пек* (букв. – как огородное чучело); *атомнӑй бомпа пек* (букв. – как атомная бомба); *ҫӑрӑк каска пек* (букв. – как гнилой пень); *тупӑкри пек* (букв. – как в гробу); *вилӑ ҫын пек* (букв. – как мертвый человек).

ФЕ, характеризующие высокий рост: рус. *каланча пожарная; верста коломенская; дядя Степа*; чув. *пушар вышки* (кальк. – каланча пожарная), – антонимичны ФЕ, характеризующим низкий рост: рус. *аршин с шапкой; метр с кепкой; от горшка два вершка; с ноготок; от земли не видать; в пуп дышит; ростом не вышел; с булавочную головку*; чув. *пукан пек* (букв. – как стул). Как видно из примеров, в русском языке эта группа ФЕ больше, чем в чувашском.

Зато в обоих языках популярны ФЕ, описывающие телосложение человека – например, **худобу**: рус. *ветром шатает; ветром сдувает; кожа да кости; живые (ходячие) моци; мешок костей*;

*мешок с костями; одни глаза остались; Кощей Бессмертный; костями гремит; тощ как хвоц; худой как селедка; худой как скелет; чув. шӓммипе тирё сес (букв. – кости и кожа только); сын кӓлетки сес (букв. – человеческий скелет только); куцӓсем сес юлнӓ (букв. – глаза только остались); тип пулӓ пек (букв. – как сушеная рыба); эрешмен пек (букв. – как паук); вилнӓ лаша шӓми пек (букв. – как скелет мертвой лошади), – или **полноту**: рус. *щёки из-за спины видать; в теле; в дверь не проходит; лопаться от (с) жиру; входит в тело; поперек себя толще...**

Примерами ФЕ со значением «черты лица» являются: рус. *ни кровинки в лице нет (не осталось); лица нет; кровь с молоком; щеки горят*; чув. *сӓн питӓнче юн вылять* (букв. – в лице кровь играет); *сырла пек* (букв. – как ягода); *чие сырли пек* (букв. – как вишня); рус. *волвьы глаза; рачьы глаза; кошачьы глаза; глаза сверкают*; чув. *сма-ла куц* (букв. – смола глаз); *кушак куц* (букв. – кошачьи глаза); *тӓма-на куцӓ пек* (букв. – как у совы); рус. *утиный нос; нос картошкой; нос крючком; орлиный нос*; чув. *сысна сӓмси* (букв. – свиной нос); *сӓр улми пек* (букв. – как картошка); рус. *соболиные брови; козлиная борода*; чув. *качака сухалӓ* (букв. – козлиная борода); *алса пек сухал* (букв. – как vareжка борода).

Подводя итоги, мы видим, что, несмотря на давние связи русского и чувашского языка и общность части фразеологического фонда, в рассматриваемых языках кроме общих, универсальных ФЕ: чув. *шӓммипе тирё сес* (букв. – кости и кожа только) = рус. *кожа да кости*; чув. *кушак куц* (букв. – кошачьи глаза) = рус. *кошачьи глаза*; чув. *качака сухалӓ* (букв. – козлиная борода) = рус. *козлиная борода*), – есть и национально-специфичные ФЕ: чув. *пӓр кашӓк шывпа сӓтса ямалла* (букв. – с одной ложкой воды можно проглотить) – ‘о красивом человеке’; *шӓрне утлӓ хӓрарӓм* (букв. – женщина с телом) – ‘полная женщина’.

Список литературы

1. Алёшин А.С. Устойчивые сравнения, характеризующие глаза человека, в шведском языке // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл): Матлы секции XXXVIII Международной филолог. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 3–7.
2. Алёшин А.С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие фигуру человека // Скандинавская филология *Scandinavica*. – Вып. 10. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 16–23.
3. Алёшин А.С. Устойчивые сравнения в шведско-русской межкультурной коммуникации // Славянская фразеология и паремиология в XXI в. – Минск: Змицер Колас, 2010. – С. 120–124.

4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: В 17 т. – Т.1–2. – Чебоксары: Руссика, 1994. – 584 с.
5. *Ван Ливэнь.* Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2014. – 247 с. (с приложениями – 347 с.).
6. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // *Виноградов В.В.* Избр. труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 121–134.
7. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Там же. С. 142–156.
8. *Жуков В.П.* Русская фразеология: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 510 с.
10. *Чернов М.Ф.* Фразеология современного чувашского языка. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1985. – 176 с.
11. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 156 с.
12. *Юй Фэнин.* Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2016. – 196 с. (с приложениями – 255 с.).
13. *Юлдашова Н.Р.* Внешность человека в зеркале русских и туркменских устойчивых сравнений // Мы говорим на одном языке: Мат-лы междунар. межвуз. студенческой конф. – СПб.: РГГМУ, 2020. – С. 56–61.

Интеллектуальная сфера в украинских и русских фразеологизмах

Статья посвящена сопоставлению украинских и русских устойчивых сравнений анималистических образов в тематической группе «Интеллект». Мы анализируем, какие именно качества того или иного животного отражены во фразеологизмах двух братских восточнославянских народов.

Ключевые слова: украинские и русские фразеологические единицы; зоонимы; межкультурная коммуникация.

Chernova A.A. (ChSPU)

Intellectual sphere in Ukrainian and Russian phraseological units

The article is devoted to the interlingual comparison of Ukrainian and Russian stable comparisons of animalistic images of the thematic group “Intellect”. It is considered which qualities of this or that animal are reflected in the phraseological units of different peoples of the same Slavic group.

Keywords: Ukrainian and Russian phraseological units; zoonyms; intercultural communication.

Фразеологические единицы (ФЕ) есть в любом языке. Согласно определению из лингвистического энциклопедического словаря, фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава [6, с. 359]. Большую роль в становлении российской фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины сыграли труды академика В.В. Виноградова, которые вышли в 1940-х годах. Две его статьи – «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» и «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» – легли в основу существующих в настоящее время точек зрения на определение понятия ФЕ [2, с. 21–30].

В сфере объяснения генезиса украинских фразеологизмов, прежде всего, стоит назвать выдающегося украинского лингвиста

Александра Потебню – историка языка, фольклориста, автора трудов по семантике, этимологии, диалектологии, теории словесности. Фразеологические выражения исследователь тесно связывал с лексикой, приводил иноязычные параллели, показывал структурно-семантические взаимопереходы и смысловые ассоциации [1, с. 152–160].

Главная роль при формировании общего фразеологического значения принадлежит особому компоненту, который входит в структуру ФЕ. Одним из таких компонентов является зооним – нарицательное существительное, обозначающее представителя фауны. Перенос наименования по сходству является одним из ведущих способов формирования фразеологизмов. Далее мы обратим своё внимание на сопоставлении украинских и русских ФЕ, частично описывающих идеографическую группу «Интеллект», ограничиваясь лишь теми, в чьем составе присутствует название животного. Источником украинских ФЕ стали словарные работы Г.М. Добролюжи [3; 4].

Рассматриваемая группа объединяет в себе несколько смысловых рядов. Идеографический ряд «Умственные способности человека» состоит из двух антонимических корреляций – с негативной и позитивной оценкой ума. Фразеологизмы с отрицательной оценкой умственных способностей распределяются по семантическим рядам, конкретизирующим, уточняющим «степень глупости» [5, с. 26].

Фразеологизмы, относящиеся к семантическому ряду «очень глупый», имеют структурную доминанту «прилагательное + как + существительное». А структурно-семантическая модель (далее – ССМ) «глупый + как + домашнее животное» очень активна в общеславянском ареале. Символом крайней глупости у славян является осёл: рус. *глуп как осёл*; укр. *дурний як осёл*. Образный конкретизатор (далее – ОК) «баран» зафиксирован в следующих сравнениях: рус. *глуп как баран (круговой)*; укр. *дурний як (божий) баран; тупий як баран*. Символом глупости является также овца: рус. *глупа как овца (круговая)*; укр. *дурна як овца (вівця)*; *тупий як стадо овец*. ОК «лошадь, конь» был отмечен во фразеологизмах: рус. *глуп как лошадь (пара купеческих лошадей)*; укр. *дурний як турецький кінь*. ОК «свинья» также употребляется в устойчивых сочетаниях: рус. *глуп как свинья*; укр. *дурний як сто (сім) свиней*.

В украинском языке существуют и те устойчивые сравнения, которые отсутствуют в русском. Они употребляются с ОК «бык», «козёл», «коза», «собака», «кот», «кобыла»: укр. *молодий та дурний як бузівок у череді*; *сили як у бика, а розуму на пятака*; *дурний як*

цап, дурний як коза, дурний як собака; великий як світ, а дурний як кіт; дурний як сива кобила. И только в русском языке есть ОК «мерин» (*глуп как сивый мерин*).

ССМ «глупый + как + молодое животное» известна с начала XX в. Фразеологизмы данной модели имеют дополнительную семантику «глупый, наивный». ОК «телёнок» встречается в обоих языках: рус. *глупый как теленок*; укр. *глухий (дурний) як теля (необлизане, цицьковане, молоде)*; *наївний як молочне теля*; *дурний як теля рижого Бога*; *дурний як теля на прив'язі*. Однако некоторые ФЕ рассматриваемой ССМ не образуют внутримодельных изоглосс и являются специфичными для определенных языков: рус. *глуп как щенок*; укр. *дурний як гача* (= жеребенок); *дурний як ягня* [5, с. 29].

ССМ «глупый + как + домашняя птица» также известна обоим языкам: рус. *глуп как гусь (гусак)*; *глупая как гусыня*; укр. *дурний (дурне) як гуска*; рус. *глупая как курица*; укр. *дурний як <пришиблена> курка*; *дурний як курка, що співає*; *недоумкуватий як курка*. И лишь в русском языке зафиксированы следующие ФЕ: рус. *глупая как утка*; *глупый (глупая) как индюк (индюшка)*; *глуп как индейский петух*.

ССМ «глупый + как + дикая птица» зафиксирована тоже в обоих языках: рус. *глуп как ворона*; укр. *дурний як ворона*. Специфично украинским являются: *дурний як грак* (= грач); *безглузда як синиця*, а русским – рус. *глуп как тетерев*.

В ССМ «глупый + как + рыба» ОК разные: рус. *глуп как осетр*; укр. *дурний як карась*.

В украинском языке ОК может быть насекомое: *дурний як мухи в Спасівку*.

В ССМ «глупый + как + часть тела представителя фауны» зафиксированы ФЕ: рус. *глуп как осетровая башка*; *глуп как [свиной] пуп*; *глуп как хлуп* (= кончик крестца у птицы); укр. *дурний як овеча п'ята*; *тупий як ослине копито*; *тупий як свиняче рило*; *дурний як теляче вухо*. Можно заметить, что в ССМ отмечены части тела представителей фауны, символизирующих глупость в рассматриваемых языках.

Планы содержания и выражения могут быть антонимичными. В русском языке это ФЕ *умна как попова свинья*; *умный (вумный) как утка (вутка) [только отруби (вотруби) не ест]*, в украинском – *розумний як попова (дідова, Сидорова) коза*; *розумний як віслук* (= осел); *розумний як [Беркове] теля*; *мудрий як бекало рогате*; *розумний як бирка (биця (= овца)), баран [підрізаний], Федькова*

(Хведькова) кобила, Мошків (Фишків) кінь, кінь навесні, бик, худоба (= скотина), сусідський цап (= козел), попове порося; розумний як попова курка; умний як утка (вутка); розумний як вутка [в сараї]; розумний як качка (= утка); розумний як та сова, що сидить у дуслі; розумний як дятел.

Семантический ряд «глупый, необразованный» весьма мало-численный и присущ только русским ФЕ. В их основании лежат прилагательные *серый* и *тёмный*, которые имеют переносное значение «необразованный, невежественный»: рус. *сега что свинья*.

Анализируя семантический ряд «иметь мало ума», можно выделить следующие ФЕ: рус. *ума как у курицы*; укр. *ума (розуму) як у курки*; *ума (розуму) як у кози хвоста* [3, с. 10, 29].

ФЕ с положительной оценкой ума также распределяются по нескольким семантическим рядам. Так, ФЕ семантического ряда «очень умный, мудрый, рассудительный» имеют структурную доминанту «прилагательное + как + существительное» и распределяются по следующим ССМ: «умный + как + пресмыкающееся»: рус. *мудрый как змей*; укр. *мудрий як змія*; «умный + как + птица»: рус. *мудрый как сова*; укр. *мудрий як сова*; *розумний як ворон*.

Семантический ряд «очень умный, хитрый, образованный», построенный по ССМ «умный + как + дикое животное», в русском языке отсутствует. Но он зафиксирован в украинском языке: *мудрий як лис* [3, с. 20, 40], *кмітливий як куниця* [4, с. 9].

Субстантивных ФЕ с положительной оценкой ума немного. ФЕ с негативной характеристикой умственных способностей гораздо больше, чем с позитивной; они распределяются по ССМ, количество которых значительно превышает количество рядов ФЕ с положительной оценкой ума. Внутри рядов с отрицательной оценкой ума выделяется большое количество ССМ [5, с. 30].

Подводя итоги анализа ФЕ, используемых для описания интеллекта, можно отметить, что в украинском и русском языках имеются как общие, универсальные, так и национально- и культурно-специфичные ФЕ.

Список литературы

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., Потемня А.А. и др. Лингвистика афоризма. Хрестоматия: учебное пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. – 304 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 709 с.
3. Доброльожа Г.М. Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин. – Київ: Волинь, 1997. – 53 с.

4. *Добролюбова Г.М.* Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. – Житомир: Волинь, 2003. – 160 с.
5. *Кузнецова И.В.* Русские устойчивые сравнения: идеография, ареалы, этимология: (спецсеминар по фразеологии). – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 1998. – 104 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Нань Яньхуа (КНР) – аспирант СПбГУ

Культурные коннотации в поговорках с компонентом-фитонимом *трава* в русском языке на фоне китайского и корейского языков

Рассматриваются культурные коннотации, нашедшие отражение в поговорках с компонентом-фитонимом «трава» в русском, китайском и корейском языках. Это позволяет выявить символику растительного кода культуры и национальную специфику изучаемого фрагмента русской языковой картины мира, а также описать национально-специфические особенности культуры народов России, Китая и Кореи.

Ключевые слова: лингвокультурология, поговорка, культурная коннотация, национально-культурная специфика.

Nan Yanhua (St. Petersburg State University)

Cultural connotations in proverbs with a phytonym herb component in Russian against the background of Chinese and Korean

Cultural connotations that are reflected in the proverbs with the phytonym “grass” in the Russian, Chinese and Korean languages are considered. This allows us to identify the symbolism of the plant code of culture and the national specifics of the studied fragment of the Russian linguistic picture of the world, as well as describe the nationally specific features of the culture of the peoples of Russia, China and Korea.

Keywords: cultural linguistics, proverb, cultural connotation, national-cultural specificity.

Поговорки (поговорки и пословицы) отражают народную мудрость, ценностную картину мира данного народа, в афористической форме содержат «сумму активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [14, с. 101]. Как объект лингвокультурологического анализа поговорки в настоящее время находятся в центре внимания исследователей-лингвистов В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.Н. Телия, Е.И. Зиновьевой, М.Л. Ковшовой и др. Так, с точки зрения В.Н. Телия, базовым для лингвокультурологии является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковом знаке. Культурная коннотация определяется как «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения

в категориях культуры» [12, с. 214]. Р.Р. Бавдинев отмечает, что культурная коннотация может отражаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и тому подобных знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка [1, с. 177–180].

В.Н. Телия заостряет внимание на единицах фразеологического состава языка, характерной чертой которого является образно-ситуативная мотивированность, напрямую связанная с мировоззрением народа – носителя языка, средоточием культурной коннотации [13, с. 5]. Особую роль в познании колорита культуры того или иного народа играют паремии, представляющие собой «фрагмент языковой картины мира», где отражены культурные установки и стереотипы, эталоны и символы [8, с. 82]. Для наиболее полного описания особенностей паремий целесообразно дать лингвокультурологический комментарий. Лингвокультурологический комментарий паремий включает в себя такие параметры, как описание их значения; образности и символическости, а также анализ употребления паремий в художественных текстах; сопоставление с китайскими и корейскими аналогами [5, с. 19–20].

Цель нашей работы состоит в выявлении национально-культурной специфики с помощью сопоставления стереотипов, символов, ассоциаций в культурах России, Китая и Кореи. Такое сопоставительное исследование паремий русского, китайского и корейского языков представляется актуальным. Задачами нашего исследования являются определение рабочих понятий, определение значения паремий, сравнение материалов трех языков. И первый шаг к решению этих задач – поиск материала для сопоставления. Из словарей пословиц русского, китайского и корейского языков нами отобрано 23 русских, 7 китайских и 8 корейских единиц, в составе которых имеется общий компонент – фитоним трава. Далее мы будем анализировать эти паремии, поскольку данный материал является интересным объектом сопоставительного анализа и выявления различий в трёх лингвокультурах.

Трава во всех трёх лингвокультурах обозначает что-либо неважное, ничтожное и незначительное, к чему относятся совершенно равнодушно, безразлично: *Хоть трава не расти, только бы сено было* [9, с. 913]; *Пустой голове все трын-трава* [4, с. 159]; *爱将如宝, 视卒如草* *Ценить генералов как сокровища, а солдат презирать как траву* [3, с. 2]; *草深不碍路* *Трава не мешает пути* [3, с. 530]; *하농은 풀을 가꾼다* *Фермер, который плохо разбирается в сельском*

хозяйстве, ухаживает за травами [15]; 우습게 본 풀이다 *Насмеяться над травами* [15].

В русском языке одной из наиболее частотных паремий является единица *Тише воды, ниже травы* [4, с. 53], при помощи которой обозначают *безропотного, покорного человека* [2, с. 766]. Это говорит о том, что в сознании русского человека *трава* – это невысокое растение, а человек, который ниже её, совсем незаметен, практически невидим для окружающих.

Рассмотрим некоторые примеры из национального корпуса русского языка, чтобы понять значение и культурную коннотацию, репрезентируемую этой паремией [10]: *Я буду в соседней комнате, тише воды, ниже травы, буду только слушать и ничего не делать* [Надежда Трофимова. *Третье желание* // Звезда, 2003]; *Служащие его боялись, старались не попадаться ему на глаза и были тише воды, ниже травы* [Улья Нова. *Инка* (2004)]. Данные примеры позволяют заключить, что выражение *Тише воды, ниже травы* сохраняет значение *скромно, не привлекая внимания (вести себя)*. У данной паремии существуют варианты, например: *Живи тихо, да избывай лихо* [4, с. 159].

В китайском языке существуют паремии, вербализующие то же значение, и наиболее частотной является единица: 墙头草两边倒 *Трава на гребне стены наклоняется в ту сторону, куда подует ветер* [3, с. 710]. В китайской лингвокультуре трава, с которой сравнивается простой, скромный народ, может выступать как символ покорности, безвестности, подчиненности: «Мораль благородного мужа подобна ветру, мораль простолюдина подобна траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [11, с. 434].

Корейская самая частотная паремия *나쁜 풀은 빨리 자란다* соотносится с русской *Сорная (плохая) трава быстро растет* [15, с. 75]. В русской паремии *Сорная трава хорошо растёт* [9, с. 913] утверждается, что плохое быстро распространяется, увеличивается и с трудом искореняется или уничтожается. Существуют следующие синонимичные выражения: *Сорная трава на корню крепка; Подзаборная трава пуце ботвится* [9, с. 913].

Сорная трава в русской паремии *Сорную траву с поля вон* [9, с. 913] обозначает что-либо вредное, ненужное, неподходящее в коллективе; то, от чего следует избавляться, чтобы дело шло быстрее. Имеются некоторые варианты данной паремии: *Худая трава из поля вон* [4, с. 109]; *Дурная (лихая) трава из поля вон; Худая трава из поля с корнем вон* [9, с. 913].

В китайской и корейской паремиях существует такое же стереотипное представление: 剪草除根 *Трава (сорная) из поля с корнем вон* [3, с. 336]; 풀을 베고 뿌리도 뽑는다 *Срезав траву, выдергиваем корни*; 피사리는 뿌리째 뽑아야 한다 *Сорняки нужно выдергивать с корнем* [6, с. 69].

Подобно растениям в целом, трава олицетворяет силы природы – как благоприятные, так и вредоносные. В русской паремии *На битой дороге трава не растет (а и растет, да спорьши)* есть ассоциации *дороги* с женщиной, а *травы* – с её потомством [7, с. 64]. В китайской и корейской лингвокультурах трава ассоциируется с жизнью человека: 人生一世, 草生一秋 *Человек живет всю жизнь, как трава однолетняя* [3, с. 663]; 人留后世草留根 *Человек оставляет потомство, трава оставляет корни* [3, с. 646]; 인생은 뿌리없는 평초 *Трава – жизнь без корней* [15].

Для русской культуры характерен параллелизм «характер человека как растение». Это отражает следующая паремия: *Речи – как мёд, а дела – как полынь* (речи и разговоры сладкие, а дела, напротив, «горькие» как полынь) [7, с. 167]. Она описывает двуличного, лживого человека. Существуют синонимичные паремии: *Сладки твои речи, да не лизать их; Господь на языке – чёрт на сердце; Не поддавайся на пчёлки медок: у неё жальце в запасе; На языке медок, а на сердце ледок*. В паремиологии русского языка существует клишированное выражение о полыни (горький как полынь): *Полынь после мёду горче самой себя* [9, с. 688]; *И полынь на своем корню растет* [7, с. 19]; *Горесть полыни лечит, а сладость мышьяка увечит* [7, с. 39]; *Злая обида горше полыни* [7, с. 40]; *Полынь после меду горче самой себя* [7, с. 52]; *Притворная лесть хуже полыни* [7, с. 167]; *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая* [7, с. 174]. В корейском языке существуют выражения: *썩 먹고 쓴소리한다*, что дословно означает: *Речи будут горькими после того, как съел полынь*. Так говорят о словах, которые не хотят слышать [15]. Единиц с компонентом *полынь*, имеющих значение *полынь горькая*, в китайском языке нам не встретилось. Однако в китайской паремии говорится, что человек со скверным характером не может стать успешным: 蒿草再高也成不了树 *Полынь не может стать деревом, какой бы высокой она ни была* [3, с. 646].

Таким образом, общечеловеческий жизненный опыт и стереотипные представления обуславливают сходные в различных неблизкородственных языках культурные коннотации, выраженные пословицами с компонентом-фитонимом *трава*. Расхождения

в символикe отражают различия в менталитете и характере русского, китайского и корейского народов.

Список литературы

1. *Бавдинев Р.Р.* Культурная коннотация и паремические единицы // Вестник КазГУ. Серия филологическая. – 2005. – № 8. – С. 177–180.
2. *Волин Б.М., Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вариант, 1940. – 2088 с.
3. *Вэнь Дуань Чэн.* Большой словарь китайских поговорок. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. – 1281 с. (на кит. яз.).
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: Худ. лит., 1989. – 1290 с.
5. *Зиновьева Е.И., Пи Цзянькунь.* Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 1 (7). – С. 18–24.
6. *Лим Су.* Золотые слова корейского народа. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 360 с.
7. *Мартынов А.Н.* Пословицы. Поговорки. Загадки. – М.: Современник, 1986. – 512 с.
8. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004. – 202 с.
9. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
10. Национальный корпус русского языка: [Электрон. ресурс]. – <http://www.ruscorgora.ru>.
11. *Рогалевиц Н.Н.* Словарь символов и знаков. – М.: Харвест, 2004. – 512 с.
12. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики (номинативных единиц). – М.: Наука, 1986. – 143 с.
13. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Studia philological; Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–25.
14. *Фархутдинова Ф.Ф.* Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология-2000. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. – С. 100–101.
15. 4000 Корейских пословиц и поговорок. – Сеул: Изд-во ДоВон, 2009. – 478 с.

Гендер как термин в гуманитарной области: краткая история словоупотребления

Рассматривается появление, развитие и практическое употребление термина *гендер* в гуманитарной области и соотношение между понятиями *гендер* и *феминизм*. *Гендер* как основополагающая концепция в гендерных исследованиях и феминистских критиках уже не является чем-то новым, но исторически *гендер* какое-то время использовался как заимствованный термин с переносным значением.

Ключевые слова: гендер, феминизм, гендерные исследования, концепция, термин.

Sun Yatsyan (St. Petersburg State University)

Gender as a term in the humanitarian field: a brief history of language usage

The appearance, development and practical use of the term *gender* in the humanitarian field and the relationship between the concepts of *gender and feminism* are considered. *Gender* as a fundamental concept in *gender studies* and feminist critics is now nothing new, but historically *gender* has been used for some time as a borrowed term with a figurative meaning.

Keywords: gender, feminism, gender studies, concept, term.

От середины прошлого века до наших дней в научной сфере формировались гендерные исследования, занимающиеся вопросами собственно половых различий, которые, в свою очередь, так или иначе связаны с центральным понятием «гендер». Сегодня гендерные исследования – это зонтичный термин, включающий в себя исследования маскулинности, патриархальности, проявляющихся в разных аспектах общества, положение женщин в социальной, культурной и экономической структурах и отражение такой иерархии в словесности. Справедливо указать, что вопросы о половом различии между женщинами и мужчинами и представления об этих различиях обсуждались давно, ещё до появления специализированного употребления слова «гендер», обладающего устойчивой ассоциацией с половой идентичностью индивида. *Гендер* как термин возник относительно недавно, но быстро захватил проблемные аспекты этой области и расширил их пределы. Если обратиться к истории употребления слова *гендер*, то можно сказать, что

введение термина «гендер» в оборот научного общения значительно повлияло на поло-ролевые исследования и способствовало их эволюционированию.

В наши дни, наряду с гендером, в области современных гендерных исследований встречаются некоторые термины, которые в какой-то степени мы могли бы отождествлять с такими понятиями, как *пол*, *секс* и *социальный пол*. Пол – это русское слово, которое во многих случаях используют для обозначения секса (англ. *sex*). *Гендер* же (англ. *gender*) как термин изначально в лингвистике обозначал только грамматическую категорию рода. Однако в гендерных исследованиях это слово получило другое значение. *Гендер* как уже принятый в русском языке термин не имеет связи с категорией рода, в отличие от английского оригинала. То есть в русском языке, после появления этого слова, *гендер* стал обозначать отношения между людьми. Соответственно в русском языке мы можем встретить еще один вариант перевода английского слова *gender* – социальный пол. Иными словами, термины *гендер* и *социальный пол* употребляются как синонимы друг другу, а в гендерных исследованиях *пол* и *секс* обозначают одно и то же понятие, в отличие от их употребления в повседневности, где слово «секс» склоняется к обозначению сексуальности.

В русском языке *гендер* обозначает социальный конструкт, определяющий положение женщин и мужчин в обществе. Но такое значение не сразу было закреплено за этим термином. В отличие от русского языка, в английском языке использование *gender* носит метафорический характер. До 1950-х годов английское слово *гендер* использовалось для обозначения отношений между словами, а не между людьми. А первое употребление слова *gender* вне грамматики принадлежит американскому сексологу Джону Мани (John William Money). Середина 1950-х годов для термина «гендер» – исторический момент, когда *гендер* был интерпретирован сексологом Джоном Мани в английском языке как категория, с помощью которой разделяют людей на женщин и мужчин и которой определяют ментальные характеристики мужественности (маскулинности) и женственности.

На основе своего наблюдения и клинических работ Джон Мани предлагает, что маскулинные и женственные характеристики индивида определяются во взаимодействии биологических, сенсорных и социально-культурных факторов. А существующий тогда термин *sex* оказался не способен формулировать гипотезу Мани, согласно

которой учёный хотел прикрепить к дефиниции секса и психологическое содержание.

А слово гендер (gender) как эпистемическое понятие, упорядочивая отношения между словами, имеет потенциал метафорического употребления при описании отношений между людьми. Так, Джон Мани отмечает, что клиническое определение пола интерсекс-людей зависит не столько от материальных факторов, сколько от эпистемологических факторов, то есть биологические факторы не единственные и даже не надежные определяющие для сексуальной ориентации индивида. На этой основе Мани формулирует свою идею как теорию гендерного приобретения (gender acquisition theory) [3, с. 287–302] и развивает эту теорию, выдвигая ее за пределы проблематики интерсекса, применяя ее не только для интерсексуальных людей, но и для каждого индивида, включая в рассмотрение не только сексуальную ориентацию, но и типичные женственные или маскулинные признаки поведения человека.

Под влиянием доминирующего тогда социологического функционализма Мани в своих работах использовал термин «*гендерная роль*» (gender role) как альтернативу для гендера, при этом он определял гендер как «совокупность поведений и высказываний индивида, свидетельствующих о его статусе как мальчика или мужчины, девочки или женщины» [4, с. 254].

Справедливо отметить, что это были первые размышления о связи между гендером и нематериальными, неприродными факторами. Таким образом, работая как сексолог над проблемой интерсекса в сфере медицинских наук, Джон Мани не только предложил сексологии новые взгляды на секс, но и сильно повлиял на формирование других парадигм знания путем создания новой концепции гендера, которая позднее стала основной темой в феминистской социологии, лингвистике, культурных и литературных критиках.

В распространение и развитие концепции гендера большой вклад сделал и другой американский психиатр Роберт Столлер (Robert Stoller). Развивая идею Мани, Столлер принес в концепцию гендера новые идеи. Первое значимое замечание, которое он сделал, – это разграничение между *гендерной идентичностью* и *гендерной ролью*, которая была предложена Мани [5, с. 220]. Как психиатр Столлер фокусирует внимание на психические аспекты гендера и предлагает новый термин «гендерная идентичность» для обозначения гендерной идентификации индивида как мужчины или женщины. А гендерная роль, в понимании Столлера, – это

культурный феномен и совокупность поведений, которые определяются социальными ожиданиями, ассоциирующимися с определенной гендерной принадлежностью. Такое толкование несущественно отличается от интерпретации Мани, но разграничение дает возможность понять и объяснить то явление, когда индивид может придерживаться какой-то гендерной идентификации в не зависимости от социальных ожиданий, которые меняются со временем и варьируются в разных культурах и обществах. Таким образом, Столлер делает *гендер* более динамическим и открытым понятием, которое динамически меняется в силу эпистемологических, социальных, культурных и временных изменений. И это дает возможность исследователям из гуманитарных сфер (прежде всего, социологам) участвовать в этой дискуссии.

А главный вклад, внесенный Столлером в развитие гендерной концепции, – отделение гендера от секса. Напомним, что у Мани не было четкого отделения гендера от секса, для Мани гендер – это реинтерпретированный секс, иными словами, секс – это один из составляющих самого гендера, где секс и гендер не противоположны друг другу. А Столлер сосредоточивается на средовых факторах, влияющих на формирование нормальной или aberrантной гендерной идентификации, которые не рассматриваются в сексологической науке, и предпочитает отделить гендер от секса, что является объектом сексологии.

На самом деле, такое отделение дает Столлеру и его последователям возможность рассматривать гендерную проблематику вне сексологии в более широком контексте. Начало гендерных исследований как самостоятельное направление и их отделение стало в 1970 годах идеологическим оружием феминистов во время второй волны феминистского движения и теоретической основой феминистских критик.

Хотя в сегодняшнем контексте термин гендер более или менее ассоциируется с феминизмом, следует отметить, что феминисты не являются основоположниками введения в обиход понятия «гендер». Даже, во многих случаях, гендер не является центральным объектом феминистских критик, когда это место занимает статус женщины в социальной, культурной, политической и экономической структурах общества. Но такая ассоциация в какой-то степени говорит о важности концепции гендера как объекта анализа для феминизма. Следует отметить, что феминисты-исследователи внесли большой вклад в распространение, популяризацию и современную

интерпретацию этой концепции. И до сих пор феминисты активно участвуют в дискуссиях по гендерным вопросам, оказывают свое влияние на развитии этой концепции.

С целью обоснования своей позиции феминистам 60-70 годов надо было предоставить аргументы, основанные на научных исследованиях. На этом фоне происходили активные взаимодействия между феминизмом и сексологией как наукой. Феминисты критически восприняли идеи Мани и Столлера, понимая гендер как систему дифференции маскулинности и женственности. Например, Жермен Грир (Germaine Greer) стала одной из первых феминистов-писательниц, которые приняла новую концепцию в сексологии. В своей книге «Женщина-евнух» она призывает женщин к размышлению о вопросе, почему женственность является нормой для женщин [2, с. 14].

В отличие от интерпретации Мани и Столлера, многие феминисты под влиянием постструктуралистов того времени (Мишель Фуко, Деррида, Ролан Брата и др.) фокусируют внимание на гендерной дифференции в языке, трактуют гендер как нечто искусственное, полностью независимое от биологического пола. Применяя подход к отделению гендера от пола, феминисты исследуют гендер в контексте общественных наук, психологии, антропологии, культурологии и других гуманитарных сферах. В связи с этим гендер постепенно еще дальше отошел от пола и превратился в социально-культурный объект.

Таким образом, попытки разграничения биологической и культурной составляющей гендерной идентичности дали толчок к формированию гендерных исследований – особого направления в гуманитарном знании.

Список использованной литературы

1. Трофимова Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 178.
2. Greer G. The Female Eunuch. – London: MacGibbon and Kee, 1970. С. 14.
3. Lawson W. et al. Hermaphroditism: Classification, Diagnosis, Selection of Sex and Treatment // Pediatrics 16, – 1955. – № 3. – С. 287–302.
4. Money, Hermaphroditism, Gender and Precocity in HyperAdrenocorticism: Psychologic Findings // Bulletin of the Johns Hopkins Hospital 96. – 1955. – № 3. – С. 258.
5. Stoller R. A Contribution to the Study of Gender Identity // International Journal of Psychoanalysis. – 1964. – № 45. – С. 220–226.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY

Мухина Дарья Александровна (Россия) – бакалавр СПбГУ

Соотношение понятий ирония, сарказм и чёрный юмор в прозе российских писателей

Рассматриваются примеры иронии, сарказма и чёрного юмора в художественных текстах российских писателей. Предпринята попытка ввести критерии для разграничения данных видов комического.

Ключевые слова: художественный текст, национально-детерминированные единицы, комическое, ирония, сарказм, чёрный юмор.

Mukhina D.A. (St. Petersburg State University)

Correlation of the concepts of irony, sarcasm and black humor in the prose of Russian writers

The examples of irony, sarcasm and black humor in the literary texts of Russian writers are considered. An attempt has been made to introduce criteria for distinguishing between these types of comic.

Keywords: literary text, nationally determined units, comic, irony, sarcasm, black humor.

Смех обладает национальной спецификой, что зачастую вызывает сложности при анализе комических текстов. Кроме того, возможные затруднения могут быть связаны с идентификацией и разграничением некоторых видов комического ввиду схожести их функций и способов образования. Исследователями выделяются разные виды комического: юмор, сатира, ирония и др. [8, с. 385]. Однако, на наш взгляд, наиболее специфичными и трудными для изучения являются ирония, сарказм и чёрный юмор.

Так, например, ирония является настолько широким понятием, что у исследователей нет единого мнения по поводу того, как следует определять данный феномен. По мнению В.Б. Семёнова, ирония – это «осмеяние, содержащее оценку того, что осмеивается... Отличительный признак И. – двойной смысл, где истинными является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый;

чем больше противоречие между ними, тем сильнее И.» [8, с. 315, 316]. Иной точки зрения придерживается А.А. Горностаева, отмечая, что «ирония не всегда выражает значение, противоположное буквальному» [2, с. 10]. А по словам О.П. Ермаковой, ирония «может не содержать ни тени юмора, выражая раздражение, возмущение, горечь, неприязнь и другие чувства, весьма далекие от желания шутить» [5, с. 22].

В некоторых исследованиях высшей формой иронии считается сарказм [8, с. 934], поскольку данные виды комического обладают схожими функциями в тексте. Как отмечает А.А. Горностаева, «сарказм, тесно граничащий с иронией, концентрирует в себе язвительность, остроу высказывания и часто направлен на то, чтобы уколоть собеседника» [2, с. 12].

Заметим, что, несмотря на близость данных понятий с точки зрения их интенциональности, они различаются тем, что сарказм всегда эксплицитен, включает в себя насмешку и выражает только критическое или негативное отношение автора высказывания к предмету, явлению или человеку. Надо отметить, что эксплицитное выражение негативной оценки говорящего характерно не только для сарказма, но и для чёрного юмора.

С точки зрения Е.Г. Кузовниковой, «чёрный юмор» – это юмор с примесью цинизма, в котором высмеиваются проблемные моменты и ситуации, связанные, в первую очередь, со смертью, насилием, болезнями, увечьями и уродствами и другими «мрачными» темами [6, с. 134]. Думается, следует добавить, что чёрный юмор всегда содержит «злую», ярко выраженную насмешку и его главная цель – деконструировать объект высмеивания.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что анализируемые нами виды комического имеют точки соприкосновения, и это может вызвать трудности с их разграничением. Однако данные трудности можно преодолеть, если обратить внимание на то, как реализуется тот или иной вид комического. Одним из способов его реализации являются национально детерминированные единицы. Так мы будем называть языковые единицы, в чьей семантике присутствует национально-культурный компонент, отражающий культурные ценности и представления носителей данного языка. К национально-детерминированным единицам относятся советизмы, фразеологические единицы, национально-прецедентные феномены и многое другое.

Обратимся к анализу того, как в текстах с помощью национально-детерминированных единиц реализуются особенности разных

видов комического. Рассмотрим следующий контекст: «Почвенники употребляли выражения с былинным оттенком. Такие, допустим, как “паче чаяния” или “ничтоже сумняшеся”. И еще: “с энергией, достойной лучшего применения”. А также: “Солженицын вас за это не похвалит”. Либералы же использовали современные формулировки типа: “За такие вещи бьют по физиономии!”. Или: “Поцелуйтесь с Риббентропом!” А также: “Сахаров вам этого не простит?”» [4, с. 134].

В данном контексте можно обнаружить следующие национально-детерминированные единицы: фразеологизмы «паче чаяния», «ничтоже сумняшеся», «с энергией, достойной лучшего применения»; прецедентные имена «А.И. Солженицын» и «А.Д. Сахаров». Рассмотрим подробнее...

1. Фразеологизмы «паче чаяния» и «ничтоже сумняшеся» являются устаревшими устойчивыми выражениями [13, с. 457, 669], при помощи которых С.Д. Довлатов выказывает «незлую» насмешку по отношению к почвенникам, придерживающимся консервативных взглядов и отличающимся приверженностью к прошлому России и всему тому, что с ним связано [11].

Выражение «с энергией, достойной лучшего применения» является изменённой формой фразеологизма «С упорством, достойным лучшего применения», который уже сам по себе является ироничным [10, с. 836]. Данная единица может послужить примером иронии, включающей в себя «скрытую» насмешку: фактическое значение слов не совпадает с тем, что вкладывает в них автор высказывания. С точки зрения почвенников, взгляды либералов ошибочны, и энергия, затрачиваемая на их отстаивание и защиту, достойна лучшего применения.

2. Используя прецедентные имена, С.Д. Довлатов противопоставляет две противоположные системы взглядов, что и создаёт, на наш взгляд, комический эффект. Так, прецедентное имя «А.И. Солженицын» используется в речи почвенников неслучайно: Александр Исаевич был известен своими консервативными и славянофильскими взглядами [14]. Однако следует отметить, что он не всегда придерживался подобных взглядов и нельзя его назвать одним из идеологов почвенничества. Следовательно, высказывание «Солженицын вас за это не похвалит», с одной стороны, направлено на то, чтобы уязвить либералов, с другой – имплицитно высмеивает самих почвенников, использующих прецедентное имя «А.И. Солженицын» в ходе дискуссий.

Прецедентное имя «А.Д. Сахаров» автор использует аналогичным образом. Академика Сахарова, чьи взгляды отчасти имели демократическую направленность, было принято считать либералом, но это, по замечанию А. Самсонова [12], не совсем так. То есть реальные исторические факты, стоящие за данным прецедентным именем, противоречат смыслу, которым наделяют либералы выражение «Сахаров вам этого не простит», – и возникает комический эффект. Таким образом, вышеприведённые национально-детерминированные единицы реализуют «скрытую» насмешку С.Д. Довлатова, которая, однако, не имеет негативного характера.

Обратимся к следующему контексту: «Поставленная перегородка, сооруженная из отслуживших свое линиях транспарантов “Берегись поезда!” , “Хождение по путям опасно!” , “За курение на территории нефтесклада – под суд!” и известного высказывания товарища Молотова “Все дороги ведут к коммунизму!” , была укреплена дополнительной фанерой и оклеена с обеих сторон поверх газет дешевыми обоями» [7, с. 151].

В данном контексте прецедентное высказывание В.М. Молотова «Все дороги ведут к коммунизму!» служит средством реализации авторского сарказма М.Н. Кураева, который соединил в тексте бытовое и идеологическое. Коммунистический лозунг, написанный на транспаранте, становится частью перегородки, состоящей из обыкновенных предупреждающих табличек, а вследствие этого прецедентное высказывание теряет свою историческую значимость и ценность.

Проанализируем следующий контекст: «Мы вышли на дорогу. Ребята из органов толпились на крыльце.

– Заходите, – сказал один, – у нас бесподобный музей. Не для широкой публики, конечно. Но я устрою. Координаты, телефон – я дал...

– Интересно, – говорю, – что у них в музее хранится?

– Черт его знает, – ответил Грубин, – может, ногти Бухарина?..» [3, с. 123].

С нашей точки зрения, прецедентное имя «Н.И. Бухарин», обозначающее уже умершего человека и входящее в словосочетание «ногти Бухарина», является средством передачи чёрного юмора С.Д. Довлатова, поскольку способствует реализации одной из самых главных функций данного вида комического – пересмотру и деконструкции традиционных ценностей и представлений. В Советском Союзе возвеличивали революционеров-большевиков [1], и

одним из них был Н.И. Бухарин – большевик, философ, социолог [9]. Следовательно, упоминание «ногтей Бухарина» как музейного экспоната, с одной стороны, высмеивает так называемый «культ революционеров», существовавший в СССР, а с другой – разрушает его, что присуще только чёрному юмору.

Таким образом, комическое может реализоваться в тексте с помощью национально-детерминированных единиц, анализ которых помогает разграничить иронию, сарказм и чёрный юмор по степени интенсивности проявления «злой» насмешки автора. Первое место занимает чёрный юмор, далее следует сарказм, и на третьем месте – ирония, поскольку данный вид комического может функционировать по-разному, и нельзя выделить только одну основную функцию. Кроме того, отметим, что анализ комического на примере текстов с национально-детерминированными единицами должен включать в себя обращение к реалиям, стоящим за данными языковыми единицами. Это необходимо для правильной интерпретации авторской насмешки и, соответственно, для полного понимания текста, что очень важно для различных лекций, семинаров, исследований, посвящённых анализу комического в художественных произведениях.

Список литературы

1. *Андреева Л.А.* Секулярная святость: культ революционных мучеников в российской истории // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 64. – С. 278–295.
2. *Горностаева А.А.* Ирония в английской и русской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – М., 2013. – 22 с.
3. *Довлатов С.* Наши. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2018. – 160 с.
4. *Довлатов С.* Филиал: Записки ведущего. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2020. – 192 с.
5. *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка : учеб. пособие. – 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 202 с.
6. *Кузовникова Е.Г.* Чёрный юмор в межкультурной перспективе (сопоставительный анализ тематической составляющей немецкого и русского чёрного юмора) // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий, 2017. – Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2017. – С. 134–138.
7. *Куратов М.Н.* Капитан Дикштейн: Повести. – М.: Профиздат, 1990. – 240 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
9. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скаун, 1998. – 896 с.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

11. *Радугин А.А.* Идеология почвенничества – идейно-ценностный инструмент легитимизации власти // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия «Философия». – 2010. – № 1. – С. 91.
12. *Самсонов А.* Миф об «отце русской демократии» Андрее Сахарове: [Электрон. ресурс]. – <https://topwar.ru/34956-mif-ob-otce-russkoy-demokratii-andree-saharove.html> (дата обращения – 3.04.2021).
13. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
14. *Хренов Н.А.* Судьба «русской идеи» в XX веке: А. Солженицын (начало): [Электрон. ресурс]. – <http://www.cult-cult.ru/the-fate-of-the-russian-idea-in-the-twentieth-century/> (дата обращения – 3.04.2021).

Цветовая картина мира в ранних стихотворениях Н.С. Гумилёва

Актуальность данной темы определяется особым интересом молодежи к ранним стихотворениям Н.С. Гумилёва. Мы попытались связать их специфику с цветовой гаммой, составляющей языковую картину мира поэта. Целью исследования стал анализ его ранних произведений, чтобы выявить употребление цветовой лексики путём сплошной выборки, определить частотные лексемы цвета, попытаться составить классификацию цветовых единиц и установить особенности их функционирования в ранних стихотворениях поэта.

Ключевые слова: ранние стихотворения Н.С. Гумилёва, цветовая гамма, языковая картина мира, идиостиль поэта.

Shlomova A.E. (NSUEU)

The color picture of the world in the early poems of N. S. Gumilev

The relevance of this topic is determined by the special interest of young people in the early poems of N.S. Gumilyov. We tried to connect their specificity with the color scheme that makes up the linguistic picture of the poet's world. The aim of the study was to analyze his early works in order to identify the use of color vocabulary through continuous sampling, to determine the frequency lexemes of color, to try to compile a classification of color units and to establish the peculiarities of their functioning in the poet's early poems.

Keywords: early poems by N.S. Gumilyov, the color scale, the linguistic picture of the world, the poet's idiosyncrasy.

Мы анализировали ранние стихотворения Н.С. Гумилёва: «Крест», «Родос», «Старые усадьбы», «Пятистопные ямбы», «Мне снилось...», «Песня о певце и короле», «Песнь Заратустры», «Иногда я бываю печален...», «Ангел-хранитель», «Отказ», «Открытие Америки», «Сказка о королях», «Видение», «Орёл», «Дева Солнца», «За гробом», «Мечи и поцелуи», «Возвращение Одиссея», «Это было не раз», «Завещание». При этом применялись такие методы анализа художественной литературы, как лингвистический, количественный, сопоставительный и описание.

В ранних стихотворениях поэта выявлено 499 обозначений цвета. Чаще всего используются прилагательные: красный, синий, зелёный, жёлтый – обозначения цветов, входящих в основные цвета

спектра, однако есть и оттенки цветов, которые подходят под схему «похожий цветом на...».

Специфика этих стихотворений Н.С. Гумилёва состоит в том, что преобладающий жёлтый цвет в них обозначается словом «золотой». Мы выявили следующий словесный ряд: золотой – золоти-стый, золотисто-огненный, золотисто-пьяный, не золотой. Именно этот цвет – самый употребительный в ранней лирике поэта.

Ахроматические цвета – чёрный и белый – доминируют в некоторых стихотворениях и дают разнообразные оттенки серого: седой, сизый, пепельный.

Вокруг частотных в цветовой гамме стихотворений слов «красный, синий, зелёный, золотой, коричневый, серый, белый, чёрный» группируются периферийные слова, обозначающие цвета, имеющие дополнительные смыслы: уточняющие или конкретизирующие значения.

По нашим наблюдениям, самая большая группа – это группа красного цвета, которая состоит из 28 оттенков с преобладающим красным. Ближняя периферия: розовый (18), кровавый (14), алый (12), пурпурный (10), багряный (8), огненный (7). Дальняя периферия: румяный (6), рубиновый (6), багровый (5), медный (5), рыжий (5), пламенный (4), коралловый (3), гранатовый (2), червонный (2), рдяный (2), огненный (2), огневой (2), огнезарный (1), оранжевый (1), электрический (1).

Божественный мир также представлен в цветовой гамме. Наиболее употребим в стихотворениях золотой цвет, который почти всегда имеет прямое значение, указывая, из чего сделан предмет. Например, крест: *Мой крест золотой прижал к губам...* («Крест» [4, с. 55]); *Но на них золотые кресты...* («Родос» [4, с. 133]); монастырь: *Но старикам – золотоглавые Святые белые скиты...* («Старые усадьбы» [4, с. 123]); *Есть на море пустынный монастырь. Из камня белого, золотоглавый* («Пятистопные ямбы» [4, с. 178]); *В тот золотой и белый монастырь* («Пятистопные ямбы» [4, с. 178]). Интересно, что при описании мира церкви используется золотой и белый цвет. Белый, по нашим подсчётам, так же часто употребляется поэтом, как золотой. Заметим, что сочетанием белого с золотым передаётся торжественность, а употребление одного белого цвета в сочетании со словами *гроб, труп* предполагает чистоту перед лицом смерти: *Два белые, белые гроба...* («Мне снилось» [4, с. 356]); *Как мрамор белый женский труп...* («Песня о певце и короле» [4, с. 26]).

В обыденной речи высоту, простор описывают через лексему *голубой*. В поэтическом мире голубой цвет связан с романтическим изображением жизни. В ранних произведениях поэта голубой цвет имеет положительную коннотацию: *Сын голубой высоты...* («Песнь Заратустры» [4, с. 24]); *Где-то там, в высоте голубой...* («Иногда я бываю печален...») [4, с. 456]; *Так ли с сердца бремя снимет Голубой простор...* («Ангел-хранитель» [4, с. 123]). Отметим, что лексема глубины может иметь у Н.С. Гумилёва цветовую характеристику – *чёрный*, однако в таком случае речь идёт об особой окраске водоёма в ненастную погоду – и это прямое значение: *Плавающий в чёрной глубине...* («Открытие Америки» [4, с. 152]).

Можно выделить слова с явно положительным смыслом: *голубой, золотой, лазурный, огненный*. Например, о счастье: *Голубеющим счастьем печали...* («Сказка о королях» [4, с. 39]); о здоровье: *И в жилы пролью золотое здоровье...* («Видение» [4, с. 422]); о совершенстве: *Лазурное вскрывалось совершенство...* («Орёл» [4, с. 95]); о мечтах: *В нашем зареве мечты...* («Дева Солнца» [4, с. 30]); *Огненные грёзы Люцифера...* («За гробом» [4, с. 69]); о сне: *У тех царей лазурный сон...* («Мечи и поцелуи» [4, с. 223]).

В ранних стихотворениях Н.С. Гумилёва встречаются и лексемы с положительной семантикой, и лексемы, имеющие отрицательный смысл, которые характеризуются при помощи цветов *чёрный, кровавый*. Например, **ужас**: *В их мозгу гнездится ужас чёрный...* («Открытие Америки» [4, с. 152]); *Той беды кровавой не избыть...* («Возвращение Одиссея» [4, с. 112]); **жребий**: *Мой чёрный жребий будет вынут...* (Там же).

Символична характеристика лексемы *поцелуй*. Красный, кровавый – это земная, чувственная любовь-страсть: *Поцелуи окрашены кровью...* («Это было не раз»); *От мучительных красных лобзаний...* («Завещание» [4, с. 345]). Слово *чёрный* в сочетании со словом *годы* встречается часто (и не только в стихотворениях Гумилёва, но даже в традиционной речи), а вот *золотой* цвет со словами *вчера* и *старина* – окказиональное сочетание, специфичное именно для идиостиля этого поэта.

Можно сделать выводы, что употребление цветообозначений в ранней лирике Н.С. Гумилёва часто совпадает с общеязыковым, однако у поэта в контексте стихотворений создаётся символическое значение цвета. Жёлтый цвет, например, получает доминанту золотой. Часто употребляемые цвета в ранних стихотворениях: красный, синий, зелёный, золотой, коричневый, белый, серый, чёрный.

Самый объёмный – красный цвет. Чаще всего используются золотой, белый, красный цвета.

Цветовая картина идиостиля Н.С. Гумилёва имеет особо яркую специфику, что, безусловно, объясняется его неповторимым восприятием цвета. Изучение его цветовой картины мира помогает пониманию специфики творчества поэта в целом и его мировоззрения.

Список использованной литературы

1. *Арнольд И.В.* Интерпретация художественного текста в языковом вузе // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: Сб. науч. тр. / Редкол.: И.В. Арнольд (отв. ред.) и др. – Ленинград: ЛГПИ, 1981. – С. 10–15.
2. *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. С. 427.
3. *Губенко Е.В.* Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 22 с.
4. *Гумилёв Н.С.* Сочинения: В 3 т. – М.: Худож. литература, 1991. – Т. 1. Стихотворения; Поэмы. – 590 с.

Лексические средства создания образа старухи в поэзии Д. Хармса

Объектом исследования образа старухи в поэзии Д. Хармса стало микрополе «Старуха» в составе лексико-семантического поля «Женщина». Выделение тематических групп лексем внутри микрополя позволило сделать выводы об особенностях репрезентации старухи в стихотворениях поэта. Результатом исследования стал вывод о старухе как представительнице иных миров, связанной со смертью и нечистой силой.

Ключевые слова: поэзия Д. Хармса, РКИ, лексико-семантическое поле, тематическая группа, художественный образ старухи.

Mikhailova A.A. (St. Petersburg State University)

Lexical means of depicting an old lady in the poetry of D. Kharms

The article is devoted to the study of the image of an old woman in the poetry of D. Kharms. The microfield “old lady” within the lexical-semantic field “woman” became the object of the research. Thematic groups of lexemes selected within the microfield allowed to draw conclusions about the specificity of old lady representation in the poems. The research resulted in the conclusion about the old lady as a representative of other worlds, associated with death and demonic forces.

Keywords: lexical-semantic field; thematic group; literature character; old lady; Kharms; poetry; Russian as a foreign language.

Обучение русскому языку как иностранному невозможно без привлечения текстов. На одном из этапов «погружения» в русский язык студенты знакомятся с русской литературой, читают неадаптированные тексты. Ключом к пониманию таких текстов может стать полевой подход, отражающий системность лексики в языке и в художественном произведении. Систематизация единиц посредством отнесения их к ядру или периферии поля позволяет выявить ключевые семантические особенности произведения – из семантики отдельных лексем складывается семантика художественного образа. Опираясь на дефиницию в труде «Русский язык. Энциклопедия», в настоящей статье под термином «лексико-семантическое поле» (далее – ЛСП) мы понимаем иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным значением) и отражающих в языке и речи определённую понятийную

сферу [3, с. 458]. Подобная иерархическая структура подразумевает выделение ядра и периферии. Отметим также, что ЛСП объединяет в себе слова разных частей речи.

Одним из ярких образов в поэзии Д. Хармса является образ женщины. В состав ЛСП «Женщина» входит несколько микрополей, в числе которых лексическое объединение с ядром «Старуха» (а также микрополя «Жена», «Девушка», «Мать»). Стоит отметить, что большинство исследований образа старухи в творчестве Д. Хармса обычно проводится на материале его прозаических произведений, и в большинстве случаев предметом научного интереса лингвистов и литературоведов становится повесть «Старуха» (1939). Наиболее значимыми в данной области представляются работы Ж.-Ф. Жаккара, А.А. Кобринского, В.Н. Сажина и М.Б. Ямпольского.

Мы обращаемся к образу старухи не в прозе, а в стихотворениях Д. Хармса. Материалом исследования послужили тексты из «Полного собрания сочинений Д.И. Хармса» [6]. Было отобрано 13 стихотворений, где старуха выступает как главный или второстепенный персонаж: «Старуха», «От бабушки до Esther», «... в репей закутанная лошадь...», «Случай на железной дороге», «I Фокусы», «Осса», «Половинки», «Двести бабок нам плясало...», «...пристала к пуделю рука...», «Радость», «Авиация превращений», «Пожар», «На коня вскочил и в стремя...».

В **первую** тематическую группу под названием «Идентификация в мире» входит несколько подгрупп:

1) Прямые наименования: *старуха* (5, а также форма мн. ч. – *старухи*). Данная единица выбрана в качестве названия для микрополя, так как является базовым идентификатором поля, входит в его ядро как наиболее частотное, а также представляется значимым в контексте творчества Д. Хармса (повесть и стихотворение носят название «Старуха»).

2) Социальный статус: *супруга*. Отметим, что старуха в данном стихотворении («Старуха») выступает в паре со своим *супругом*. В фольклорной традиции старуха олицетворяет нечистую силу как ведьма, часто действуя вместе со своим «подельником» – стариком. [2, с. 181]. По наблюдению В.Н. Сажина, соположение символов в данном стихотворении (*круг* и *река*: «Года и дни бегут по кругу / Летит песок; звенит река») характерно для творчества Д. Хармса и связывает образ волшебных *супруга* и *супруги* с образом смерти.

3) Термины родства: *бабушка* (5), *бабка* (2), *бабки*, *бабаля*, *бабы*. Есть любопытные контексты, приведённые в «Словаре

русского языка» А.П. Евгеньевой к слову *бабушка*: «Бабушка воржит», «Бабушка надвое сказала», «к чертовой бабушке» [4]. На наш взгляд, это поддерживает идею о том, что в стихотворениях Д. Хармса, опирающегося во многом на народные, фольклорные представления, образ старухи связан со сверхъестественными силами. *Бабаля* – вероятно, неологизм от «бабуля», однако употреблен не в качестве уменьшительно-ласкательной номинации, а иронически – «бабаля мальчик». *Бабы*: согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, «бабой» называют не только бабушку, но и каменное языческое изваяние [5], что объясняет контекст *бабы кушают внучат*).

4) Связанные термины родства: *внук, внучата*. В стихотворении «На коня вскочил и в стремя...» лексема внук возникает в контексте «Мария с внуком». Как отмечает В.Н. Сажин, имя Мария у обэриутов часто отсылает к деде Марии. По нашему мнению, данный контекст способствует созданию общего настроения абсурда, так как дева Мария не имела внуков, ибо у Христа не было детей.

5) Род деятельности: *бродяга* (у старухи нет дома, она ходит по улицам, олицетворяя губительный рок – по В.Н. Сажину), *нянька*.

6) Имена собственные: *Мария, Софья Павловна*.

Вторая тематическая группа «*Физические действия*» содержит следующие подгруппы:

1) Физические действия: *махнула (2), в дом идёт к супругу, на скамью сама встаёт*. По наблюдению О. Щербининой, «старухи всегда зловещи в творчестве Хармса» [7, с. 283]. Этот зловещий образ формируется благодаря единицам *помахав зубами и вздымается на костыли*. Он также тесно связан со смертью: *тихо падает на мох, сидела выставив затылок* (затылок в творчестве Д. Хармса олицетворяет смерть [1, с. 281]), *беги в роуцу сосен и в землю лбом ложись и тлей*. В то же время старуха описывается как дающая жизнь: *поля пшеном засеяла* – однако, на наш взгляд, это лишь подчеркивает идею «кратковременности и бессмысленности человеческого существования», которую она несет в себе [7, с. 284]. Старуха может представлять в форме языческого истукана, о чем было упомянуто выше, и обладать способностью отнимать жизнь, на что указывает сочетание *кушают внучат*. Фольклорный мотив танца выражен в сочетании *двести бабок нам плясало*. Некоторые из физических действий отражают эмоциональное состояние старухи – нервное, напряженное, она ожидает опасности: *сидела в сокращеньи жил, бегаёт в испуге, ищет Петю и гамак*.

2) Чувственное восприятие: *на всё кругом глядя, увидела собаку в своем собственном глазу*. Собака в мировой культуре является символом ритуальной нечистоты и разврата; «помещая» собаку в глаз старухе, автор делает старуху свидетельницей дисгармоничности мира. Она также *слышит под фонарями свист* – а свист в народном поверье символизирует призыв нечистой силы.

3) Мыслительная деятельность: *мысли внешние съедая*. Значение этого оборота не вполне ясно, однако можно предположить, что старуха выступает здесь своеобразной «воронкой», в которой исчезает бытие.

4) Действия эротического характера. Старуха в текстах Д. Хармса обычно не вовлекается в подобные действия, поэтому группа представлена только одной единицей: *очередом кандыжится семью попами*, которая, по нашему мнению, служит общему настроению фарса, относит к народной смеховой культуре, в которой часто для потехи старости приписываются черты молодости.

5) Атрибуты физических действий: *костыли* (символ разрушения, неправильности, искривленности бытия), *пряжа* (на наш взгляд, является символом судьбы человечества, которую плетет старуха), *дойная коза* (коза в христианстве символизирует сатану, нечистую силу). В.Н. Сажин также обращает внимание на предметный ряд атрибутов волшебства в стихотворении «Старуха»: *кольцо, меч, кушак*.

Третью группу «Речь» составляют глаголы *балабошит, стрекочет*, означающие «быстро-быстро говорит, часто не по делу», характеризуют старуху как несущую бессмыслицу. Старуха связана и с мотивом песни, реализующим не столько фольклорную традицию, сколько религиозный обряд: *пела небу новоселье, херувимскую поёт*. Единицы *деревню кличет, кричет* указывают на громкий голос старухи. Одновременно речевая характеристика реализует ситуацию умирания: *тихо стонет* – имеется в виду предсмертный стон.

К **четвёртой** группе «Состояние» относятся подгруппы:

1) Физическое состояние. Часть единиц связана со старостью, близящейся смертью: *седает бровь, дрожит рука, светлый глаз слезится*. Также имеет место мотив сна как перехода в иной мир: *сонная, заснула кувырко*.

2) Чувства и эмоции. Основу этой группы составляют единицы, называющие негативные эмоции – грусть и усталость от жизни: *с тоской; тоскуем; сердце, жить устав, стремится хотя б землю найти покой; тебе весь мир несносен, противен ход годов и дней*;

тихо плакали в платок. Одна единица связана с паникой по поводу пожара: в испуге («Пожар»).

Пятая группа «*Внешность*» включает характеристику *седая*, а также соматизмы: *сердце (2)*, *глаз*, *светлый глаз* (на наш взгляд, равноценен «всевидящему оку»), *бровь*, *зубы*, *уши мягкие*, *рука*, *холодное брюхо* (описывается уже не живая старуха, реализуется мотив смерти), *затылок* (как упоминалось выше, в творчестве Д. Хармса означает смерть), *рога и сто четырнадцать бутылок (рога и бутылки* вырастают у старухи из *затылка* – лексемы описывают гротескную трансформацию образа старухи после смерти). Несколько соматизмов характеризуют старуху в прошлом: *чёрный волос*, *гибкий стан*. Данные единицы показывают, что старуха не является статичной – её образ развивается из образа молодой женщины.

Шестая группа «*Качества характера*» представлена единицами: *характера простова*, *строга*. Характер старухи непримечателен.

Стоит отдельно отметить экспрессивное прилагательное, которое использует Д. Хармс по отношению к старухе – *резиновая*. Это предельно отдаляет ее образ от природного мира, ставит ее в один ряд с неживыми предметами, созданными руками человека. Отметим также метафору, которую писатель использует, вводя героиню-старуху: *а может быть павлин*. На наш взгляд, она служит для создания комического эффекта и подчеркивает многоликость старухи, ее колдовское начало.

Таким образом, старуха в стихотворениях Д. Хармса является носителем бесовского начала: единицы, описывающие ее внешность и действия, создают зловещий образ. Старуха выступает в роли «всевидящего ока», в ее власти находится судьба людей. Её образ также связан с неминуемой смертью и переходом в другие миры.

Список литературы

1. *Антанасиевич И.* Мужское/женское тело в творчестве Хармса // Междунар. науч. конф. «Даниил Хармс: авангард в действии и в отмирании: к 100-летию со дня рождения поэта». – Белград, 2006. – С. 281–289.
2. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1903. – 530 с.
3. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. *Ю.Н. Караулова*. – М.: Дрофа, 1998. – 262 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. *А.П. Евгеньевой*. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
6. *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч.: В 4 т. – Т. 1: Стихотворения / Вступ. ст., примеч. и подгот. текста В.Н. Сажина. – СПб.: Академический проект, 1997. – 439 с.
7. *Щербинина О.* Старуха. Даниил Хармс в контексте классики // Нева. – 2007. – № 4. – С. 282–284.

Интертекст как средство создания художественного образа в рассказе «Чудо» Л. Петрушевской

Статья посвящена анализу роли интертекста при создании художественных образов в рассказе Л. Петрушевской «Чудо». Под предикацией интекстов понимаются их смысловые преобразования в принимающем тексте посредством речевых стратегий, авторского отбора и употребления языковых средств. В результате анализа выявлена функция интертекста как средства формирования художественных образов в анализируемом тексте посредством наблюдения над особенностями употребления языковых и речевых единиц, характера интертекстуальных включений.

Ключевые слова: интертекстуальность, претекст, предикация интекстов, художественный образ.

Loginova E.P. (St. Petersburg State University)

Intertext as a means of creating an artistic image in the story “The Miracle” by L. Petrushevskaya

The article is devoted to the analysis of the role of intertext in the creation of artistic images in the story “The Miracle” by L. Petrushevskaya. The predication of intexts is defined as their semantic transformation in the receiving text by means of speech strategies, author’s selection and use of linguistic means. The analysis has revealed the function of intertext as a means of shaping artistic images in the analyzed text by means of observing the peculiarities of language and speech units usage and the nature of intertextual inclusions.

Keywords: intertextuality, pretext, intexts predication, artistic image.

Художественный образ – это форма предъявления художественно освоенной действительности в художественном тексте, где такой образ занимает центральную позицию и выполняет функцию воздействия на читателя. В художественном образе «реальная жизненная характерность предстает уже не сама по себе, не просто как предмет оценки, а в творческом синтезе с авторским отношением к ней, то есть как творчески преобразованная характерность и поэтому как часть особой, второй, художественной действительности» [1, с. 21]. Анализ художественного образа, который служит для передачи авторского мирозидения, влечет за собой непосредственный анализ художественного текста, предполагающий выявление

авторской интенции посредством наблюдения над смысловыми приращениями языковых единиц в речевой структуре текста. Одной из идеостилевых особенностей творчества Л. Петрушевской и является создание художественного образа за счет предикации интекстов.

Предикация интекстов [4, с. 27] рассматривается как смысловое преобразование интекстов (интертекстуальных включений) посредством авторских речевых стратегий, отбора и функционирования языковых средств. Интексты в тексте предидируются на четырех уровнях. Первая предикация формируется в претексте, вторая и третья – в принимающем тексте, где они отражают точку зрения автора на тему интекста и содержат его оценку [4, с. 27]. Четвертая предикация, которую необходимо выделить, представляет собой взаимодействие нескольких интекстов в принимающем тексте, на пересечении смыслов которых создается новый смысловый уровень текста. Предикация интекстов в анализируемом рассказе организует его речевую структуру, диктует отбор и функционирование языковых средств, формируя его смыслы и образы. Наблюдение над данным процессом и является целью нашего исследования. К образам, создаваемым посредством предикации интекстов в рассказе Л. Петрушевской, относятся образ-мотив, образ-деталь, образ-персонаж, образ-ситуация, образ-фон и образ-архетип.

В рассказе «Чудо» автор обращается к следующим претекстам: «сильным» текстам культуры: Евангелию и русским народным сказкам, авторской сказке «Царевна-лягушка» А.Н. Толстого, имитирующей фольклорную традицию, текстам русской классической литературы, в частности, к рассказу И.А. Бунина «Холодная осень» и роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Заголовок рассказа включает абстрактное существительное «чудо», которое затем появляется в тексте в репликах разных героев. Главная героиня Надя просит дядю Корнила *создать чудо*, а затем его мать рассказывает, какие дядя Корнил *творил чудеса*. Мотив чуда (образ-мотив) организует структурные компоненты текста и связывает вставной элемент (рассказ о чудесах героя) с судьбой Нади.

Имя главной героини – Надя (Надька, полной формой имени Надежда в рассказе ее не называют). Однако именно эта полная форма связана со смыслом ее жизни – до событий, описываемых в рассказе, героиня *живет надеждой на спасение (мечтала поменять квартиру на двухкомнатную ради сына)*. Данный мотив

актуализируется через глагольные формы *надеялась*, *надеяться* и существительное *надежда*.

Завязка в рассказе связана с утратой героиней денег и драгоценных вещей, которые она долгое время копила и складывала в носок, спрятанный в чемодане под кроватью. Ситуация исчезновения предидируется в тексте на четырех уровнях, так как восходит к двум претекстам: на уровне архитектуральности рассказ включается в парадигму русских сказок, а на уровне интертекстуальности содержит включения из сказки А.Н. Толстого «Царевна-лягушка», где смерть Кощея была на конце иглы, спрятанной в яйце, а яйцо – в сундуке. Образ-деталь «чемодан», хранивший накопления героини, вводится в текст рассказа посредством *ФСТР описание* через номинативные конструкции с обстоятельственным значением детерминанта в функции темы: *в тайнике, в шерстяном носке, на дне чемодана, из-под кровати*), а также глагольные конструкции (*заперт небрежно, только на один замочек; второй отскочил*). Данные языковые средства включают в рассказ интертекст, восходящий к сказке А.Н. Толстого «Царевна-лягушка». На уровне третьей предикации исчезновение денег из чемодана автор сравнивает с уничтожением иглы, то есть уничтожением надежд на продолжение жизни, возможности наладить жизнь героини и ее сына.

Обращение к русским народным сказкам в тексте происходит на уровне сюжета и композиции согласно жанровым признакам сказки. Некоторые ситуации, в которые попадает Надя, могут быть охарактеризованы как компоненты волшебной сказки, описанные в «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппом. Так, по аналогии со сказками, в тексте присутствует сказовое начало: развитие событий во времени как поиск истинного пути и вечных смыслов. Ситуация исчезновения денег, ситуация ухода из дома, ситуации поиска и получения помощи включают рассказ Л. Петрушевской «Чудо» в один ряд с русскими народными сказками. Аллюзии на данные ситуации вводятся в текст при помощи 1) последовательных действий, выраженных глаголами СВ (*спустилась, посоветовалась, стала... обзванивать и опрашивать*), 2) вставной конструкции (*а Надя, был такой момент...*), 3) неполных предложений (*Потом спустилась во двор, где сидели старушки, тоже с ними посоветовалась*), 4) прямой и косвенной речи («*Ищи дядю Корнила*»; *одна женщина в очереди сказала ей, что дядя Корнил живет в слесарне при больнице около метро*). Так, ситуация обнаружения пропажи денег может пониматься как элемент сказочного сюжета, когда *Беда*

или недостача сообщается герою [3, с. 31], в результате чего возникает ситуация ухода героя из дома.

Интретекст, вводящий ситуацию ухода из дома, также предцируется на 4 уровнях. Надя *спускается* из дома во двор, чем подчеркивается *нисхождением* героини, которое встречается в русской литературе – например, в рассказе И.А. Бунина «Холодная осень», где героиня *нисходит в сад* и это становится началом трагических событий в ее жизни и в судьбе России. Вместе с тем, этот путь воспринимается читателем как уход из дома и ассоциируется со сказочным сюжетом, когда «герой покидает дом» [3, с. 33], с чего начинается череда испытаний в его жизни. Интретекстуальные связи, таким образом, задают пропозицию текста, которая, благодаря культурообусловленным ассоциациям, трактуется как судьбоносный поступок в жизни Нади.

Таким образом, Надя, подобно герою волшебной русской сказки, сначала узнает о пропаже жизненно важной вещи, затем, пытаясь ее вернуть, покидает дом и проходит испытания, чтобы получить у героев-помощников (соседская бабушка и женщина около метро) информацию о том, кто может ей помочь. В сказке герой обычно находит злодея и побеждает его. Но в рассказе Л. Петрушевской борьбу Наде приходится вести с самой собой, о чем свидетельствуют интексты, восходящие к Евангелию.

Такие интексты возникают в рассказе, когда появляется образ дяди Корнила. Этот образ создается благодаря многочисленным аллюзиям и реминисценциям на прецедентный образ Иисуса Христа и прецедентные ситуации (далее – ПС), связанные с ним. Когда Надя в первый раз видит Корнила, она отмечает, что он *лежал уже как мертвый, на лбу запеклось множество мелких ссадин, на ладонях какие-то язвы*. И это отчасти реминисценция на распятие Иисуса Христа, на страсти Господни. Образ-деталь *чаша* (*Он только ее ждал, последняя капля в чаше, сказал*) и характеристика Корнила как человека, который *никого не может обидеть*, тоже напоминают Евангельские события, когда Пилат говорит: *«Какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем»* и *«Не виновен я в смерти этого праведника»*. Первая предикация – Иисус Христос во время плача в Гефсиманском саду перед распятием обращается к Отцу с просьбой: *«Минуй меня чаша сия!»*; вторая – герой рассказа дядя Корнил ждет главную героиню, для него ее появление – это *последняя капля в чаше*; третья предикация – автор соотносит образ Корнила и Христа, и смерть Корнила

от рук главной героини воспринимается как его жертва во имя ее счастливой жизни.

В данном фрагменте можно выявить и четвертый тип предикации на пересечении интекстов Евангелия и романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где о герое Иешуа сообщалось, что тот не сделал никому в жизни ни малейшего зла. Эти интексты позволяют трактовать образ самого дяди Корнила как человека, готового принести себя в жертву людям. Четвертая предикация – взаимодействия, когда судьба и характер дяди Корнила соотносятся с Евангельским образом Иисуса Христа, пожертвовавшего собой ради людей, а Корнил готов сейчас отдать жизнь ради счастья главной героини.

Кроме того, подобно Иисусу Христу, дядя Корнил в своей жизни творил чудеса, о чем рассказывает Наде его мать. В рассказе возникают аллюзии на три ПС евангельских текстов, которые описывают три чуда, совершенных Христом: воскрешение Лазаря, исцеление слепого от рождения и исцеление расслабленного в купальне. Можно заметить, что структура монолога матери Корнила о чудесах, им творимых, представляет текст-рассуждение, где первый интекст вводит тезис (дядя Корнил творил чудеса), а три последующих представляют собой часть аргументов в подтверждение данного тезиса (*воскресил еврея, исцелил слепого и поднял безногого*). На уровне третьей предикации автор оценивает эти поступки героя как ненужные, приносящие вред людям (*исцеленный безногий за матерью стал гоняться как раньше; слепец только притворялся незрячим, и теперь ему никто не подаст*). Таким образом, повествование о «чудесах» героя становится анти-аргументом.

Во фрагментах рассказа, которые соответствуют ФСТР «повествование», интексты, восходящие к Евангелию от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, вводятся при помощи различных языковых средств и речевых конструкций. Первый интекст введен в реме предложения при помощи однородных сказуемых (*всем все исполнял, творил чудеса, слепых исцелял, безногих подымал*), которые выражены глаголами НСВ, обозначающими повторяющееся действие. Второй интекст, представленный прецедентным именем, относящимся к ПС «воскрешения Лазаря», реализуется в реме предложения при помощи приложения (*Лазаря Моисеевича*) и номинативного словосочетания (*умершего одного еврея*). Третий интекст – прецедентная ситуация «исцеление слепого» – вводится в текст при помощи стилизации под ПВ из Евангелия (*Открой глаза и иди*) и однокоренного слова, имеющего несколько значений (*человек, слепой от*

рождения, и слепец). Четвертый интекст – прецедентная ситуация «исцеление расслабленного в купальне» – представлен в тексте лексическими повторами (*Корнил поднял безногого, Корнил поднял его*), находящимися в реме повествования. Особенностью введения данной ПС является использование сниженной лексики (*мужик, ворочать, гоняться*) при серьезности самой ситуации «исцеление безногого».

При взаимодействии с образом дяди Корнила образ главной героини тоже обретает дополнительную характеристику – благодаря Евангельскому претексту. Андреевна, мать Корнила, трижды обращается к Наде с требованием его убить, подав последний стакан водки. Эта аллюзия на ПС суда над Иисусом Христом позволяет рассматривать образ героини в сопоставлении с образом Пилата, которому народ трижды прокричал требование распять Христа. Тройное требование в рассказе маркировано разговорными глаголами в императиве *заваливай* и *прикончи*. Андреевна же рассказывает Наде, что именно она должна *проводить* Корнила, помочь ему уйти. Это рассуждение вводит аллюзии на образ Иуды, предавшего Иисуса Христа. Первая предикация – народ трижды кричит Пилату распять Иисуса Христа (*Распять! Распять! Распять!*), и Пилат соглашается; вторая предикация – Наде предлагают убить дядю Корнила последней рюмкой водки, но она отказывается; третья предикация – отказ Нади дать дяде Корнилу последнюю рюмку водки может быть интерпретирован как отказ распять невинного человека ради собственной выгоды, ради собственного счастья. Героиня делает свой нравственный выбор, покидая подвал, возвращаясь из сказочного мира в реальный. Для нее это борьба с внутренним злом, а не с внешним, и как только она одерживает победу, *самое страшное остается позади*, и Надя возвращается домой.

В рассказе действия героини, благодаря авторской апелляции к «сильным» текстам культуры – народной сказке и Евангелию, приобретают национально-культурные черты и вечные смыслы: духовный рост героев русских сказок, которым приходится преодолевать препятствия и бороться со злом (сказочный претекст), совмещается со сложным нравственным выбором и внутренней борьбой (Евангельский претекст). Предикации интекстов позволяют интерпретировать черты героев рассказа, события из жизни частного человека как универсальные черты человеческого существования. В рассказе сильна линия Пути в буквальном и переносном смысле: поиск истинного пути героиней развивается композиционно по принципу

сценарного развертывания фрейма, слоты которого организованы интертекстуальными включениями, благодаря чему создается образ-архетип, актуальный для русской культуры, отражающий ее вечные смыслы.

Таким образом, в рассказе образ-деталь, образ-фон, образ-мотив, образ-ситуация и образ-архетип, создаваемые за счет предикаций интекста посредством авторского отбора и употребления языковых средств, позволяют составить комплексное представление о персонажах и образе мира автора, понять его интенцию. А это делает возможной более точную интерпретацию смыслов рассказа, в том числе – в аспекте РКИ с целью погружения в изучаемую культуру и наблюдения над ситуативным употреблением языковых и речевых средств.

Список литературы

1. *Борисова Е.Б.* О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике: [Электрон. ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiy-hudozhestvennyu-obraz-i-obraznost-v-literaturovedenii-i-lingvistike> (дата обращения – 14.03.2021).
2. *Петрушевская Л.* Два царства: [рассказы, сказки]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 398 с.
3. *Пронн В.Я.* Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
4. *Хорохордина О.В.* Интертекстуальность // Текст: теоретические основания и принципы анализа: Учебно-научное пособие / Под ред. проф. К. А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.

*Михайлова Анастасия Дмитриевна (Россия) –
бакалавр ПетроГУ*

Колоративная лексика в текстах песен современных исполнителей

Анализируется использование колоративной лексики в песнях современных исполнителей, выявляются морфологические особенности и лексические значения слов. Рассматривается роль обозначений цвета в музыкальных произведениях, которые, по представлению авторов, отражают цветовую картину мира.

Ключевые слова: колоратив, квази-колоратив, колоративная лексика, цветообозначение, хроматив и ахроматив.

Mikhailova A.D. (PetroSU)

Colorative vocabulary in the lyrics of modern performers

The use of colorative vocabulary in the songs of modern performers is analyzed, morphological features and lexical meanings of words are revealed. The role of color designations in musical works, which, according to the authors, reflect the color picture of the world, is considered.

Keywords: colorative, quasi-colorative, colorative vocabulary, color designation, chromative and achromative.

Несмотря на большое количество работ по лексике колоративов, их исследование до сих пор остается важным аспектом лингвистики. Цветовая картина мира и её языковые значения были рассмотрены в трудах Н.Б. Бахилиной, А.А. Брагиной, Р.М. Фрумкиной, А. Вежбицкой и Ю.Н. Караулова.

Так, в труде Н.Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» отмечается, что «в ряде случаев необходимо отметить индивидуальное употребление слова и особое его значение в некоторых ситуациях» [2, с. 292]. В настоящее время современные музыкальные исполнители используют большое количество цветовых символов в текстах своих песен. Через колоративную лексику они передают внутренние переживания или своё видение мира.

Как отмечает К.Г. Костерина, цвет является носителем эмоционального состояния человека, то есть «человеческим субъективным психофизиологическим ощущением» [9, с. 279]. Слово со значением цвета становится средством реализации идеи автора. В работах

исследователей колоративная лексика рассматривается, в основном, на материале народных песен, когда в текстах наблюдается цветовая символика. На материале современных песенных текстов подобные исследования единичны, и это делает наше исследование актуальным. Его цель – изучение функционирования колоративной лексики в текстах песен современных исполнителей.

Цветовая символика имеет древнейшее происхождение. Когда древние люди научились добывать природные краски, появилась необходимость их отображения в речи. Затем у цвета появилась тесная связь с магией, он стал приобретать сакральное значение. Даже разделение магии на белую и черную имело большой смысл для людей. В дальнейшем, в памятниках письменности Древней Руси колоративная лексика не нашла своего широкого распространения, возможно, из-за жанровой специфики древнерусской литературы. С XVII в. уже чаще начинают встречаться цветообозначения в произведениях с описанием окружающего мира, затем и в классической литературе [1, с. 3].

Колоративы в своём историческом прошлом пережили изменения в семантике, в одних языках значительные, а в других даже незаметные, поэтому исследователям трудно наметить общие пути их развития. Но всё же есть цвета, которые выделяются способностью выражать основное представление о цвете, они могут назвать его любой оттенок. Это основные цвета – цвета, которые используются чаще всего.

В русском языке «наивная картина» мира цвета включает «семь цветов радуги», а также розовый, коричневый и так называемые ахроматические цвета – черный, белый и серый [9, с. 72]. В.В. Горлачева для обозначения подобных единиц применяет понятие квази-колоративы.

Понятие колоратива расширяется за счёт включения слов, прямо не называющих цвет, но способных передавать значения некоторых. В число квази-колоративов входят: квази-ахромативы (*чёрный, белый, оттенки серого – тёмный, светлый, мрачный, мглистый* и т.п.) – они используются для передачи состояний природы, эмоций человека и т.д.; объект-ориентированные колоративы (*золотой, золотистый, серебряный, серебристый, алмазный, изумрудный* и т.д.) – они указывают на цвет природных объектов или явлений; смешанные колоративы (*иссиня-чёрный, серебряно-белый* и т.п.), которые служат для более точной передачи оттенков, а суммарно-спектральные колоративы (*радужный, цветной,*

цветастый) – указывают на то, что объект или явление является разноцветным [4, с. 20].

В литературоведении описан такой художественный приём, как цветопись, позволяющий автору передать состояние природы или души.

В.С. Виноградов указывает на то, что для писателя, как для художника слова, важны распределение цветов, их переливы и сочетания [4, с. 35]. Колоративы могут быть выражены именами прилагательными (при описании природы, человека, вещей, например, *алые розы, голубые глаза* и т.д.) и существительными, обозначающими конкретный цветовой признак (например, *синева, зелень* и т.д.), а также глаголами, где цветовой образ может передавать выявление или становление признака, например, *засинеет, позолотило*, и колористическими оборотами сравнения (*белые рати зимы*) [7, с. 42].

Колоративная лексика в текстах песен современных исполнителей используется довольно часто. Для анализа были рассмотрены произведения исполнителей трёх музыкальных жанров: поп (Филипп Киркоров, Егор Крид, Лёша Свик, GAYAZOV\$ BROTH-ER\$, Zivert, Монеточка, Просто Лера, Тима Белорусских, Анет Сай, Луна, Mirele), хип-хоп (Элджей, Feduk, Макс Корж, ЛСП, MiyaGi, Andy Panda, Найтивыход, Охххумiron, Schokk) и альтернативный рок (Папин Олимпос, Нервы, Вокруг фонарного столба, Таймсквер, Lumen, БИ-2).

Из 40 текстов песен методом сплошной выборки нами было извлечено 90 колоративов. В текстах в примерно равном количестве используются хромативы (29; 32%; в скобках указано количество колоративов и процент от их общего числа), например: *чёрный* («*Мой цвет настроения чёрный...*» Филипп Киркоров и Егор Крид «*Цвет настроения чёрный*»), *белый* («*Наши сюжеты – это белый лист...*» Тима Белорусских «*Окей*»), *серый* («*Ведь что мы видели с тобой, кроме бетонных серых коробок...*» Макс Корж «*Зелёный чемодан*») и ахромативы (31; 34%): *жёлтый* («*Обнимая букет жёлтых лютиков...*» Просто Лера «*Лютики*»), *синий* («*Застрял навсегда в новом мире, раскрашенном в синий, только в синий...*» ЛСП «*Синее*»).

В меньшей степени используются объект-ориентированные колоративы (10; 12%), наименования которых относятся к определённом предмету действительности, к примеру, *ликёрный* («*На губах помада, цвет ликёрный...*» Филипп Киркоров и Егор Крид «*Цвет настроения чёрный*»), *малиновый* («*Малиновый свет упал на окна...*» Лёша Свик «*Малиновый свет*»), квази-ахромативы (9;

11%), к примеру, *светлый* («*Но теперь ты погас во мне, светлый город мой...*» Таймсквер «Мой серый город»), *багровый* («*Под этим небом багрового цвета?...*» Найтивыход «Чёрное/красное/белое») и смешанные колоративы (7; 8%), например: *жёлто-розовый* («*Я – модель, а не абстрактный жёлто-розовый предмет...*» Монеточка «Ушла к реалисту»), *тёмно-синий* («*Ночью в море все тёмно-синее...*» ЛСП «Синее»). Очень редко встречаются суммарно-спектральные колоративы (2; 2%), например, *разноцветные* («*Подари мне разноцветные краски...*» Тима Белорусских «Одуванчик»). Возможно, это связано с тем, что авторы хотят нарисовать чёткую и понятную картину для слушателя, а использование в большом количестве ахромативов показывает её яркость.

Если обратить внимание на частеречную принадлежность колоративов, то можно отметить, что чаще всего встречаются в текстах песен современных исполнителей колоративы-прилагательные (85; 95%), например, *тёмно-оранжевый* («*Тёмно-оранжевый закат на фоне потресканных домов*» Папин Олимпос «Тёмно-оранжевый закат»), *вишнёвый* («*На вишневой улице этой ночью так красиво сияет свет...*» Вокруг фонарного столба «Вишневая улица»), так как в своём большинстве слова с обозначением цвета относятся к этой части речи. Реже (5; 3%) колоративы выражены именами существительными, например, *темнота* («*Но движемся в темноте...*» Тима Белорусских «Мальчик бабл-гам»), *серость* («*Теперь, я знаю точно, откуда эта серость...*» MiyaGi, Andy Panda «All the time»), и глаголами (1; 1%), к примеру, *краснею* («*Краснею, как червовый валет...*» ЛСП «Парный Дурак»). Также в единичном случае колоративы представлены сравнительным оборотом (1; 1%): *комната цвета асфальта* («*Эта комната цвета асфальта*» ЛСП «Канат»).

Произведя количественный подсчет колоративов, мы делаем вывод, что в основном их использование направлено на цветовую характеристику предметов и окружающей действительности. К примеру, Макс Корж в песне «Зелёный чемодан» противопоставляет мир, в котором он живёт: «*Ведь что мы видели с тобой, кроме бетонных серых коробок...*», и мир, полный путешествий, куда он берёт с собой «зелёный чемодан». А в другом музыкальном произведении «Малиновый закат» исполнитель нам рисует картину завершающегося дня с закатом, который предвещает наступление неблагоприятных погодных условий: «*Малиновый закат стекает по стене*». В строках «*В тех ломаных лучах я насквозь и вокруг тебя*

рассмотрел, только ты ничего не знала обо мне» раскрываются любовные взаимоотношения лирического героя, которые находятся на этапе завершения, а дальнейшая жизнь ему видится как непрекращающийся дождь.

В песне Филиппа Киркорова и Егора Крида «Цвет настроения чёрный» при использовании большого количества хромативов делается упор на материальную сторону жизни, вещи которой должны быть чёрного цвета, как символа богатства и обеспеченности, к примеру, «Я, выходя из дома, выбрал чёрный цвет», «Все мои машины строго чёрный цвет. Вся моя банда любит чёрный цвет», «Рокерские джинсы, чёрная кожа – это принцип». Также в тексте используется и квази-ахроматив. У девушки на губах помада ликёрного цвета: «На губах помада, цвет ликёрный. Она на чёрном стиле. Она так чувствует себя богиней». Возможно, это не только характеристика внешности, но и внутреннего состояния.

Таким образом, колоративы широко используются в текстах песен современных исполнителей. Для раскрытия образов в произведениях преобладают хромативы (29; 32%) и ахромативы (31; 34%), тогда как объект-ориентированные колоративы (10; 12%), квази-ахромативы (9; 11%) и смешанные колоративы (7; 8%) авторы используют в меньшей степени. Реже всего встречаются суммарно-спектральные колоративы (2; 2%). Данная статистика может быть связана с желанием музыкантов передать точные и яркие образы.

Чаще всего (85; 95%) встречаются колоративы, выраженные именами прилагательными, так как другие части речи – в основном, существительные (5%) и глаголы (1%) – являются производными от них и употребляются реже.

Цветовые обозначения передают весь спектр эмоций лирического героя как напрямую, так и метафорично. Тематика текстов песен, чьи авторы прибегают к использованию колоративной лексики, разнообразная, но в основном исполнители жанра поп-музыки и хип-хопа обращаются к теме любви и творчества, а исполнители жанра альтернативного рока – к теме родины и войны. Колоративы в этих музыкальных произведениях служат не только для описания предметов действительности и внешности героев, но и для выражения чувств лирического героя, передачи его эмоционального состояния, чтобы слушатель еще больше погрузился в атмосферу прослушиваемого произведения.

Список литературы

1. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. – М.: Речь, 2005. – С. 3–15.
2. *Бахилина Н.Б.* История цветовых определений на русском языке. – М.: Наука, 1975. – С. 292.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 236.
4. *Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2006. – С. 235.
5. *Горлачева В.В.* Квазиколоративы в современном русскоязычном рекламном дискурсе // Вестник Днепропетровского ун-та. – 2009. – С. 20–21.
6. *Дюпина Ю.В.* Особенности семантики цветообозначений в структуре художественного текста (на материале поэтических текстов Владимира Высоцкого) // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 13. – С. 42.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – С. 264.
8. *Кошеренкова О.В.* Символика цвета в культуре // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4. – С. 157.
9. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика. – М.: Академия, 2001. – С. 72–73.

Афоризмы как одна из составляющих идиостиля Ю.М. Полякова

Актуальность темы определяется интересом молодежи к современной российской литературе – в частности, к произведениям писателя Юрия Полякова. Наше обращение к ним обусловлено и тем, что идиостиль писателя изучает наш преподаватель литературы – кандидат филологических наук, доцент Лариса Сергеевна Захидова, в ее статьях есть указание, что для стиля Ю. Полякова характерна афористичность. Основываясь на данном утверждении, мы анализируем афоризмы, выявленные путём сплошной выборки из романа Ю.М. Полякова «Гипсовый трубач», определяем их специфику и пытаемся их классифицировать, используя такие методы анализа художественной литературы, как лингвистический, количественный и сопоставительный.

Ключевые слова: афоризмы и афористичность, идиостиль писателя, роман Ю.М. Полякова «Гипсовый трубач», парадоксальность.

Khodyachikh E.A. (NSUEU)

Aphorisms as one of the components of the idiostyle of Yu.M. Polyakova

The relevance of the topic is determined by the interest of young people in contemporary Russian literature – in particular, in the works of the writer Yuri Polyakov. Our appeal to them is also due to the fact that the idiostyle of the writer is studied by our teacher of literature – candidate of philological sciences, associate professor Larisa Sergeevna Zakhidova, in her articles there is an indication that Y. Polyakov's style is characterized by aphorism. Based on this statement, we analyze the aphorisms identified by continuous sampling from the novel by Yu.M. Polyakov "Gypsum trumpeter", we determine their specificity and try to classify them using such methods of analysis of fiction as linguistic, quantitative and comparative.

Keywords: aphorisms and aphorism, idiostyle of the writer, novel by Yu.M. Polyakova "Gypsum Trumpeter", paradoxicality.

В XIX в. появились две точки зрения на природу афористики: одна принадлежала писателям, другая – учёным. По традиции, писатели считали афоризм литературным жанром, а учёные (В.О. Ключевский, Л.И. Шестов, В.В. Розанов и др.) утверждали, что афоризмы представляют собой формы выражения философских воззрений, форму познания действительности и поиска абсолютной истины. Однако теоретически этот вопрос не был разработан. Поэтому целесообразно обратиться к словарям. Например, в «Толковом словаре

живого великорусского языка» (1863–1867) В.И. Даль определил афоризм как «короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение» [9, т. I, с. 30]. В «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского (1966) афоризмом названо «изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль». [5, с. 54]. Такое же определение повторяется во многих толковых словарях современного русского языка. В «Справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой афоризмы трактуются как «лаконичные, отточенные по форме и выражающие обобщённую мысль изречения» [8, с. 29]. В «Большом толковом словаре русского языка» афоризм трактуется как «изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль» [3, т. 1, с. 52]. Мы принимаем данное определение понятия *афоризм*.

В основе афоризмов – жизнь людей со всеми её противоречиями и во всей её полноте. Следовательно, эти высказывания предполагают обобщение, а главное – мысль, которая по-другому позволяет смотреть на общепринятые истины. Извлечённые из художественных текстов афоризмы содержат мысли, имеющие всеобщий смысл. Из этого следует, что афоризмы не зависят от широкого контекста.

Афоризмы – весьма тонкая лингвистическая категория. С одной стороны, автор может наделить своего героя какими-либо изречениями, которые в силу определённого комплекса признаков станут потенциальными афоризмами. С другой стороны, эти высказывания персонажа, яркие, запоминающиеся, могут явно противоречить целостному миропониманию автора. Подобного рода противоречия лишь подчеркивают такой факультативный признак афоризма, как парадоксальность.

В романе Ю.М. Полякова «Гипсовый трубоч» нас заинтересовали афоризмы, которые сопровождаются словами: «Так говорил Сен-Жон Перс». Лауреат Нобелевской премии, французский дипломат и поэт Мари Рене Алексис Сен-Жон Перс, печатавшийся под псевдонимом Сен-Жон Перс, всего этого в действительности, разумеется, никогда не произносил. Но появление подобных высказываний объясняется достаточно просто. Режиссёр Сергей Снежкин как-то рассказал автору, что во ВГИКе, когда Снежкин учился, был профессор, который любил этого французского поэта и постоянно его цитировал. В итоге студенты стали передразнивать преподавателя, приписывая Сен-Жон Персу всякий вздор. Например: «Стойте

справа, проходите слева!» – как завещал Сен-Жон Перс... В романе Полякова главный герой – выпускник ГИТИСа Дмитрий Жарыгин, учившийся там в то же время, что и Снежкин во ВГИКе, постоянно цитирует Сен-Жон Перса в стиле студентов того времени. Понятно, что перед нами талантливая мистификация. Вместе с тем, афоризмы «от Сен-Жон Перса» становятся ключевыми и очень важны для понимания образа Дмитрия Жарыгина и всего романа.

На основе анализа выборки из 50 таких афоризмов можно сделать следующие выводы. Афоризмы в виде простого неосложнённого предложения: «Некоторым хорошая память заменяет ум» [7, с. 89] – и подобные им встречаются примерно в 10% случаев. Еще чаще – примерно в 12% случаев – представлены осложнённые простые предложения: «Искусство – это безумие, запертое в клетку замысла!» [7, с. 97]. При этом осложняющими элементами синтаксической конструкции предложения-афоризма могут выступать однородные и обособленные второстепенные члены предложения, обращения, вводные и вставные конструкции. Так, чаще всего встречается осложнение сравнением: «Лучше любовь без славы, чем слава без любви» [7, с. 54]; «Мир тесен, как новый полуботинок» [7, с. 56]. Многие афоризмы представляют собой простое предложение с составным именным сказуемым – например: «Искусство – это придуманная правда» [7, с. 89]. Примерно 20% афоризмов – сложноподчинённые предложения: «Когда я слышу слова “проект” и “формат”, мне хочется достать мой семизарядный кольт!» [7, с. 209]. Встречаются и сложносочинённые предложения: «Талант ходит с микроскопом, а гений с телескопом» [7, с. 302].

Надеюсь, наши исследования будут продолжены, а представленные афоризмы могут составить основу пособия по русскому языку для изучающих пунктуацию.

В мировой литературе найдётся немного писателей, у которых есть пережившие свое время афоризмы, выразившие глубокие истины, что помогают воспользоваться тысячелетними плодами опыта и раздумий человечества. Такая афористичность является важнейшей в идиостиле писателя Юрия Поляков, и она требует серьёзного изучения.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993. – 147 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 571 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
4. *Захидова Л.С.* Семантическая окказионализация лексических единиц в идиостиле Ю. Полякова // Вестник развития науки и образования. – М.: Наука, 2007. – С. 68–71.
5. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376 с.
6. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М.: Мысль, 1993. – 416 с.
7. *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубач, или Конец фильма. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 381 с.
8. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 435 с.
9. Цит. по изд.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Факсимильное изд. – М.: Рус. яз., 1978–1980.

Чжоу Цинцин (КНР) – аспирант СПбГУ

Речевая организация автобиографического нарратива женщин-художников (на материале проекта МГУ «Устная история»)

Статья посвящена исследованию речевой организации автобиографического нарратива художников, анализу стратегии воспоминаний.

Ключевые слова: речевая организация; автобиографический нарратив; устная история.

Zhou Qingqing (St. Petersburg State University)

Speech organization of women artists’ autobiographical narrative (based on the project of the Moscow State University “Oral History”)

This article is devoted to the study of speech organization about women artists’ autobiographical narrative, and the analysis strategies about memories.

Keywords: speech organization; autobiographical narrative; oral history.

Автобиографический нарратив – это повествование о событии, в котором возникает самосознание [7, с. 40]. Автобиографический нарратив представляет собой субъективно упорядоченный живой опыт жизненного пути. Единицей построения такого нарратива принято считать событие, с помощью которого мы можем понимать поведение или событие, сохраняющееся в памяти посредством «подробного описания». Поведение или событие осуществляется в определенном времени и пространстве жизни субъекта. Особенно важно исследовать события, связанные с ним [4, с. 22].

Устная история, по определению Сигурда Шмидта, – «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» [5, с. 262]. Под устной историей понимается интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек [6, с. 35]. Это направление основано на записи (как правило, с применением аудио- и видеотехники) устного рассказа очевидцев тех или иных событий, воспоминаний на заданную тему.

Текст проекта «Устная история» ранее не подвергался комплексному изучению с позиции когнитивного синтаксиса. В нашей

статье внимание обращается на речевую организацию автобиографического нарратива женщин-художников.

В лингвистике единицей диалога принято считать тематически объединенную цепь реплик, характеризующихся семантической, структурной и смысловой законченностью – так называемое «диалогическое единство» (Н.Ю. Шведова, С.Е. Крюков, Л.Ю. Максимов и др.) [2, с. 184], которые могут включать в себя такие функционально-смысловые типы речи, как описание, повествование и рассуждение.

Автобиографический нарратив включает различные текстовые формы речевых регистров репродуктивного, информативного, генеративного, волюнтаристического и реактивного характера, соответствующих коммуникативным интенциям автора [3, с. 30].

К существенным характеристикам любого вида развернутых высказываний (прежде всего, описания и повествования) относятся связность, последовательность и логико-смысловая организация высказывания в соответствии с его темой и коммуникативной задачей [2, с. 184].

Анализ семантической структуры автобиографического нарратива женщин-художниц в проекте МГУ «Устная история» выявил ряд устойчивых тематических элементов: детство (родители), учеба, получение профессии, первый профессиональный опыт, личная жизнь. Остановимся подробнее на текстовой реализации темы «Родители» в автобиографическом нарративе женщин-художников.

Пример 1.

В.Ф.: Отец мой кончил Политехнический институт, сделался инженером и потребовал, чтобы я была врачом. Я не протестовала. Но когда в 17-м году мы застряли в Москве и было нечего делать мне, я ходила, делала перевязки, а потом решила как-то... Вообще, меня никуда не пускали, я в гостях почти никогда не бывала. Я один раз была у своей подруги. Отец меня отпустил ровно до девяти часов, а я пришла в четверть десятого. Он сказал, что “больше ты никогда никуда не пойдешь”. Все! И больше я так никогда никуда не пошла (Фаворская Вера Васильевна в записях Дувакина 1977: 2).

Для рассказа о прошлом характерно использование такого типа речи, как повествование в разных текстовых регистрах. Начинается эпизод с повествования в информативном регистре (*Отец мой кончил ... а потом решила как-то...; Я один раз ... а я пришла в четверть десятого*), затем сменяется информативно-оценочным

регистром (*Вообще, меня никуда не пускали, я в гостях почти никогда не бывала.*), реактивным (*Все!*) и репродуктивным регистром (*Он сказал, что «больше ты никогда никуда не пойдешь».*).

При воспоминании о своем отце рассказчик цитирует его высказывания, в беседе используется прямая речь, который делает содержание более живым и убедительным.

Повествование в информативном регистре опирается на глаголы СВ, конструкции, отображающие развитие событий, их последовательность. В повествование включается характеристика обстоятельств в информативно-оценочном регистре, используются глаголы прошедшего времени НСВ со значением физического действия (*меня никуда не пускали*), что изображает ситуацию, в которой оказался рассказчик. С этой целью приводятся детали, обстоятельства и результат события, осложняющие основную линию повествования.

Пример 2.

Н.Г.: Ну, папа, конечно, был замечательный отец. Он рисовал для меня и я рисовала вместе с ним. Я вообще с детства, конечно, начала рисовать и не могло быть иначе, потому что папа работал много дома (он любил работать дома) и один, и с товарищами из своей бригады – с Парусниковым и Соболевым, и с Андреем Буровым. И они все... столы и рояль – на всем лежали проекты, рисунки. И я рисовала рядом с ним (Гольц Ника Георгиевна в записях Спорова Д.Б. 2011: 2).

Этот фрагмент построен как рассуждение (доказательство). Сначала рассказчик дает оценку своему отцу (тезис: *папа, конечно, был замечательный отец*), затем приводит аргументы: пример и объяснение. Здесь при воспоминании в тексте используется переход от реактивного регистра к информативному регистру, затем к репродуктивному (*И они все... столы и рояль – на всем лежали проекты, рисунки*). Воспоминание строится от оценочной реакции в отношении лица (отца) с позиции взрослого субъекта, переходит к фактам, а затем в погружение в обстановку детства, передающего восприятие жизни рассказчика в детстве.

Пример 3.

Т.С.: Отец вообще поразительно ко мне относился. Во-первых, он еще и рисовал, у него тоже теория была, и она подтверждается моим сейчас учеником и другом психологом: мой друг говорит, что если человек состоялся в чем-то одном, он состоится и во всем

другом. Отец тоже считал, что талант не приходит один. Он рисовал очень хорошо. И если я болела, он мне рисунки всякие делал. Вырезал даже фигурки, чтобы меня развлекать. Он меня обо-жал (Сельвинская Татьяна Ильинична в записях Найденкина М.С. 2013: 3).

Рассказчик сначала характеризует отношения отца и рассказчика (субъект оценки). Потом в разговоре приводятся примеры, используется информативный и информативно-оценочный регистры (теория отца *подтверждается моим сейчас учеником и другом психологом*), потом реактивный регистр.

Пример 4.

Г.К.: *Она (мама) рассказывала про Костромское училище, про классных дам. Например, классные дамы били их по спине линейкой, чтобы они прямо сидели, и она до старости сидела всегда с выпрямленной спиной, у нее сгорбленной спины не было. То есть их очень хорошо там воспитывали в этом смысле* (Голицына Клара Николаевна в записях Скляревской И. Р. 2013:3).

В этом фрагменте при воспоминании о своей матери рассказчик передает ее слова в форме косвенной речи. Рассказ строится в информативном регистре и заключается оценкой (*очень хорошо там воспитывали*).

Наблюдение над речевой организацией темы «Родители» в автобиографическом нарративе женщин-художников показывает, что при воспоминании о своей жизни они опираются на *аналитическую* стратегию, дают оценку ситуации, поведению, характеру родителей, их отношению к детям с позиции взрослого человека, поэтому в воспоминаниях преобладает информативный регистр, дающий возможность посмотреть на ситуацию со стороны. Наиболее яркие эпизоды детских воспоминаний, вызвавшие в детстве / юности сильную эмоциональную реакцию, передаются в репродуктивном и реактивном регистрах.

Стратегия рассказчика в устной истории направлена на выражение представления своей жизни на фоне индивидуального профессионального поведения. Воспоминания, связанные с родителями, чаще характеризуют роль родителей в выборе профессионального пути художника (помощь или сдерживание).

Семантическая структура автобиографического нарратива и ее речевая реализация весьма разнообразны в разных устных беседах. Тем не менее, их объединяют общие семантические характеристики.

Использование разных коммуникативных стратегий и тактик собеседника определяет вариативность разного вида устных историй.

С помощью методов устной истории мы имеем возможность собрать мнения выдающихся людей и сделать реальный шаг к достижению более полного, адекватного знания о прошлом, ведь, как писал М.М. Бахтин, «индивидуальный опыт складывается в непрерывном взаимодействии с чужими высказываниями» [1, с. 184].

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Глухов В.П.* Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
3. *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. д.ф.н. Г.А. Золотовой. – М.: Наука, 1998. – 524 с.
4. *Лазарева Г.И.* Особенности подросткового автобиографического нарратива (на материале романа «Но и Я» Дельфин де Виган). – Тюмень, 2019. – 95 с.
5. *Шмидт С.О.* Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. – М., 1991. – С. 262.
6. *Щеглова Т.К.* Устная история: учеб. пособие. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 364 с.
7. *Щедрина И.О.* Самосознание и автобиографический нарратив: эпистемологический анализ: дис. канд. филол. наук. – М., 2018. – 133 с.

Творчество Эриха Марии Ремарка и современные проблемы России

Рассматривается, как связаны современные проблемы России с творчеством Ремарка. Приведены реальные статистические и аналитические данные о проблемах российского общества. Отмечены причины, почему творчество Э.М. Ремарка так популярно в России.

Ключевые слова: творчество Э.М. Ремарка, «потерянное поколение», одиночество, «ремаркизм», эмиграция, неравенство.

Kasyanova A.P. (NINGU)

The work of Erich Maria Remarque and contemporary problems of Russia

The article examines how the contemporary problems of Russia are connected with the work of Remarque. Provides real statistical and analytical data on the problems of Russian society. The reasons why the work of E.M. Remark is so popular in Russia.

Keywords: creativity E.M. Remark, “lost generation”, loneliness, “remarkism”, emigration, inequality.

Эрих Мария Ремарк – человек, чья история настолько удивительна, что кажется выдуманной, – родился 22 июня 1898 года в городе Оснабрюк. Он прошел Первую Мировую войну, которая научила его ценить мир и свободу, но навсегда оставила след в душе. Дружба, любовь, желание выжить – чувства, которые он когда-то сам пережил, легли в основу его произведений. Ремарка преследовали нацисты гитлеровской Германии, травила реакционная пресса ФРГ за его писательскую деятельность. Он был врагом в своей стране и одним из самых популярных писателей во всем мире [1; 2].

Общеизвестно, что в СССР Ремарка знали и любили больше, чем в родной Германии. Его книги не просто читали – их обсуждали, цитировали, о них спорили. Чем же этот писатель смог тогда так заинтересовать советских людей, а теперь – и современных российских читателей?

В своих произведениях Ремарк поднимает глобальные проблемы, часто неразрешимые: что такое дружба и вражда, любовь и предательство, жизнь и смерть, – и повествует о «потерянном поколении». Конечно, он называет так неопытных фронтовиков,

воевавших в двух мировых войнах независимо от страны, за которую они воевали, и вернувшихся домой морально и/или физически искалеченными. Словом, он смог отразить ужасы и последствия войны, которые просто невозможно стереть из памяти. Связь между эпохами очевидна: ведь такими же «потерянными» сейчас можно назвать людей, участвовавших в чеченских войнах, воевавших не за свою родину, а из-за неспособности правительства руководить огромной страной [3]. Молодые парни, потерявшие или не нашедшие смысл жизни, которые так же, как и ровесники Ремарка, заявляли: «Мы хотели было воевать против всего, всего, что определило наше прошлое, – против лжи и себялюбия, корысти и бессердечия... не верили ни во что, кроме таких, никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля... Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета» [4, с. 22].

В творчестве писателя можно отметить и героев, потерявших на войне свои цели, надежды, мечты, и героев, одиноких не только физически, но и морально. Благодаря Ремарку появился термин «ремаркизм», означающий горькое одиночество. «Одиночество – вечный рефрен жизни. Оно не хуже и не лучше, чем многое другое. О нем лишь чересчур много говорят. Человек одинок всегда и никогда» [5], – пишет Ремарк, но именно эта проблема часто показана в его произведениях. Казалось бы, тот или иной персонаж счастлив, ведь у него много знакомых и друзей, которые могут составить ему компанию в тяжелые времена, помочь, поддержать, но герой сам намеренно отказывается от них, чтобы прочувствовать всю боль, тяжесть событий.

Такое одиночество очень похоже на то, что испытывают многие россияне. В России, согласно последним статистическим данным, одиноки примерно 30% жителей [6]. Как правило, одиноких людей гораздо больше именно в крупных городах. Что же могло стать причиной их одиночества? – Ответить на этот вопрос несложно: как и герои Ремарка, многие просто не находят родственные души или боятся просить о помощи. В России одиночеству часто подвержены люди пожилые: пока их родные усердно трудятся, им приходится оставаться дома. С другой стороны, одинокие пенсионеры не всегда хотят попросить, например, любимую внучку, чтобы она провела с ними время, так как им кажется, будто ей это скучно и тяжело, и

потому часто остаются одни. Как пишет Ремарк, у одиночества есть свои плюсы, но минусов еще больше: «Вам хорошо, вы одиноки. Все это, конечно, так – одинокий человек не может быть покинут. Но иногда по вечерам эти искусственные построения разлетались в прах, а жизнь превращалась в какую-то всхлипывающую, мечущуюся мелодию, в водоворот дикого томления, желания, тоски и надежды все-таки вырваться из бессмысленного самоодурманивания, из бессмысленных в своей монотонности звуков этой вечной шарманки... О, эта жалкая потребность человека в крупице тепла. И разве этим теплом не могут быть пара рук и склоненное над тобой лицо? Или и это было бы самообманом, покорностью судьбе, бегством? Да и разве вообще существует что-то, кроме одиночества?» [7, с. 22].

Еще одной острой проблемой в творчестве Ремарка стала эмиграция населения, особенно из национал-социалистической Германии. Он посвятил эмигрантам романы «Тени в раю», «Ночь в Лиссабоне», «Возлюби ближнего своего», «Триумфальная арка». В основном здесь писатель показал трудности жизни в чужой стране: безденежье, отсутствие документов и возможности легально работать, угрозу ареста. В Европе люди эмигрировали в другие страны по экономическим и/или политическим причинам, из-за своей национальности, бежали, ибо оставались без жилья, подвергались налетам авиации. В современной России причины эмиграции в чем-то схожи с теми, о которых писал Ремарк. Отток населения из нашей страны связан с нестабильной экономической ситуацией, сопровождаемой ростом цен и низким уровнем социальной поддержки [см.: 8]. Конечно, эмигрантов трудно осуждать, ведь человек всегда стремится лучше жить и надеется отыскать землю, где ему дадут, на его взгляд, больше свободы, где есть стабильность, – и только тогда он почувствует себя достаточно счастливым. Вот в романе «Ночь в Лиссабоне» показано, как после долгих странствий обрести спокойствие в новой стране и, возможно, умиротворение. «И я, дурак, влек ее за собой по крестному пути, через все двенадцать этапов, от Бордо в Байонну, потом в Марсель, а из Марселя сюда, в Лиссабон» [9, с. 75].

Ремарк очень часто пишет об обществе, его жизни, его заботах, а также не забывает рассказать о двух сторонах жизни в этом самом обществе. Во время первой и второй мировых войн в Европе обострилось социальное неравенство, вызванное подорванной экономикой. Ремарк рассказывает, как одни тратили деньги в кафе и

барах, а другие трудились на нескольких работах, чтобы обеспечить семью: «Я бухгалтер фирмы, художник, заведующий рекламой и вообще вот уже целый год состою единственным служащим нашей конторы, хотя я отнюдь не специалист» [10, с. 1]. Одни были готовы потратить все свои средства на моду, красоту, а другие не могли себе позволить купить даже галстук. «– Твои деньги?.. Могу выплачивать их тебе ежемесячно здесь, во Франции... – Я не хочу получать их ежемесячно. Я хочу забрать все сразу. – Для чего? – Хочу купить себе наряды... – Ты не знаешь счета деньгам... – Возможно, – сказала Лилиан. Дядя испуганно посмотрел на нее» [11, с. 24].

Ремарк показывает разные стороны жизни. Почти во всех произведениях он пишет о социальном неравенстве, которое после войн стало настолько заметно, что уже невозможно было не замечать его (хотя проблема неравенства существует с тех самых пор, как у человека появилась собственность). Современная Россия, к сожалению, не исключение, в ней также существует проблема неравенства. В 2020 г. сотрудники социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провели социологическое исследование, в котором выяснили, что многие молодые люди видят причину неравенства в том, что материальные блага недоступны всем в равной степени, жизненные возможности отличаются, а также существует классовое неравенство. Около половины людей считает, что облегчить социальное неравенство вполне возможно, однако для того нужно много времени и терпения. Ремарк писал: «Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит». И это неудивительно, человек всегда желает большего, но если он не может получить желаемое, то, возможно, начинает завидовать. А если он не может получить того, что имеет другой, то чувствует себя обделенным, ему хочется, чтобы все были равны с ним и разделяли его проблемы.

Творчество Ремарка посвящено разным сторонам жизни и проблемам, которые можно увидеть, только столкнувшись с ними воочию. Многие из них существуют сейчас не только в Европе, но и в России тоже. Читая книги Ремарка, мы всегда можем увидеть связь между проблемами, показанными в его произведениях, и теми, что есть сейчас в России. Подобная связь миров, возможно, и стала причиной того, почему его творчество так полюбилось россиянам. Ведь каждый читатель может увидеть в этих произведениях то, о чем сам он молчит, и может как будто высказать все, что давно таится в душе, а может быть, обдумав проблемы в романе Ремарка, захочет поменять что-то в своей жизни и в жизни других.

Еще одной причиной любви россиян к творчеству писателя стали глубокие мысли автора, который точно и правдиво рассказал о жизни разных людей. При этом он очень часто затрагивал тему любви – непростой, иногда безответной, которая актуальна всегда для всех. Привлекают внимание и необычные сюжеты книг, где нельзя заранее предсказать финал. Наверное, и потому творчество Эриха Марии Ремарка так популярно у молодежи.

Использованные электронные источники

1. <https://kratkoebio.ru/erix-mariya-remark-kratkaya-biografiya/> (дата обращения – 10.02.2021).
2. <https://www.litres.ru/erih-mariya-remark/ob-avtore/> (дата обращения – 12.03.2021).
3. <https://tanci-kavkaza.ru/chechenskaya-voyna> (дата обращения – 15.02.2021).
4. <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/literature/12697-22-erih-remark-tri-tovarishha.html#text> (дата обращения – 10.02.2021).
5. http://www.epwr.ru/quotation/txt_423_29.php (дата обращения – 10.02.2021).
6. <https://info24.ru/news/issledovanie-30-6-rossiyan-zhivut-odinokimi.html> (дата обращения – 15.02.2021).
7. <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/literature/12697-22-erih-remark-tri-tovarishha.html#text> (дата обращения – 10.02.2021).
8. <https://visasam.ru/emigration/vybor/statistika-emigracii-iz-rossii.html#i-2> (дата обращения – 12.03.2021).
9. <https://knigov.ru/proza/klassicheskaya-proza/page,75,1414-remark-erih-mariya-noch-v-lissabone/> (дата обращения – 10.02.2021).
10. <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/12692-erih-remark-chernyj-obelisk.html> (дата обращения – 11.02.2021).
11. <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/12702-24-erih-remark-zhizn-vzajmy.html#text> (дата обращения – 10.02.2021).

*Волкова Наталья Анатольевна (Россия) – зам. директора по УВР
ГБОУ СОШ №96 Калининского района г. Санкт-Петербург*

Возможности блогинга для популяризации школьного образования в России

Информационное поле в современном мире многослойно, и одна из главных задач – научиться ориентироваться в таком огромном и сложном пространстве. Мы представляем основные направления учительского блогинга, характеризуем площадки, где можно публиковаться, а также основные проблемы, с которыми сталкивается педагог-блогер.

Ключевые слова: блогерство, педагог-блогер, медиа в школьном образовании.

*Volkova N.A. (GBOU Secondary School No. 96, Kalinin District,
St. Petersburg)*

Blogging opportunities for promoting school education in Russia

The information field in the modern world is very multi-layered, the main task is to allow a person to navigate in this huge information space. The article reveals the main directions of teacher blogging, describes the sites where you can publish, and describes the main problems that a teacher-blogger will face.

Keywords: blogging, teacher-blogger, media in school education.

Информационное поле в современном мире многослойно, и одна из главных задач – научиться ориентироваться в этом огромном сложном пространстве. Вот первый вопрос, который нужно задать себе в начале разработки проекта: «Для кого создаем контент?» – Для родителей создается контент, где простым языком объясняются сложные вещи; контент, который дает понимание школьной системы образования людям, далеким от этой системы, контент, информирующий о различных олимпиадах и конкурсах. Для коллег это должен быть контент, где делятся опытом, своими «фишками», помогающими работать, контент, который позволит расширить свой кругозор в профессиональном плане.

Есть три направления учительского блогинга: развлекательный, обучающий и аналитический или экспертный блог. На сегодняшний день для них существуют три основные площадки:

1. **Дзен-канал** осуществляет широкий охват аудитории без учета профессиональной принадлежности, то есть это информация

«для всех». Статьи позволяют любому пользователю оставить комментарий, высказать свою точку зрения, а значит, это возможность быть услышанным в масштабах всей страны. Дзен для тех, кто готов читать, так как в основном все же в Дзене представлены текстовые материалы.

Что можно опубликовать? Разбор исходящих документов различных ведомств, от которых напрямую зависит организация школьного обучения, а также статьи-размышления на актуальные острые темы системы школьного образования.

2. Телеграмм-канал. Он для людей, которые читают анонсы и понимают, хотят ли они ознакомиться с предложенным материалом более глубоко или этот вопрос не интересен на данный момент. Сейчас в Телеграмме есть и возможность комментирования материала. Большой блок в Телеграмме – документы, которые мы выкладываем. Многие руководители и коллеги используют Телеграмм как банк документов.

3. Вконтакте, Фейсбук, Одноклассники, Инстаграм как социальные сети подразумевают быстрое получение информации. А характерная черта данной площадки – событийность.

Существуют также 3 основных формата предоставления информации. Это видеоформат, текстовый формат (статьи и материалы о конкурсах, олимпиадах, банк документов) и, наконец, публичная страница как аккаунт для получения прямой обратной связи.

Но блогинг – не только новостная повестка, важна и техническая сторона вопроса. Что нужно, чтобы стать успешным блогером? Для создания текстов – компьютер и базовые знания по основам копирайтинга. Нужно правильно формировать и оформлять текст для удобства читателя, уметь использовать все возможности смартфона и/или планшета (что добавляет мобильности). Ну и, кроме того, знать основы авторского права в России¹. Для создания видео необходимо помнить о базовых основах видеомонтажа, о постановке фона, о принципах создания общего, крупного и среднего плана (в Интернете есть каналы с бесплатным качественным контентом, где объясняются эти основы).

Основными проблемами начинающего блогера является поиск источников информации: достоверных, оперативных и информативных, а также поиск формата: при поиске аудитории ты ищешь свой формат, в этот момент важна мотивация блогера: мы свой

¹ См.: Авторское право // Гражданский кодекс РФ, часть 4, глава 70 (в действующей редакции).

формат искали полтора года, в этом кроется основная проблема, так как многие блогеры, не найдя свой формат, который бы «цеплял» людей, «сдуваются», останавливают свою работу.

Блогеры, особенно в педагогике, очень важны, потому что существует некий педагогический вакуум: ведь сами учителя ограничены школьным «круглым столом». Блогеры позволяют учителю увидеть, как решаются проблемы в другом регионе. Министерство просвещения позволяет этому формату быть, учителя из регионов начинают говорить, министерство слышит учителей и решает проблему на федеральном уровне, так появляется ценная обратная связь. Поэтому было бы замечательно, чтобы как можно больше педагогов воспользовались бы такими современными возможностями, как блогинг – это сложное, но очень интересное и перспективное хобби.

Но если мы говорим, что блог помогает во многом учителю, хотя не каждый готов взвалить на себя такую ношу, то есть и другой вариант – блог школы. Ведь сейчас каждая школа имеет сайт и страницу в соцсети, чаще всего – ВКонтакте или Инстаграм. Одной из целей этого является привлечение учителей к созданию позитивной повестки и наполнение информационного пространства полезным контентом для родителей, школьников и коллег.

В нашей стране примерно 2,5 млн учителей и 16,9 млн школьников. Да, охватить столько потенциальных блогеров крайне сложно. Даже если обучить 500 000 учителей, потребуется колоссальное количество ресурсов. Кроме того, возникают вопросы, что именно будут писать учителя, как быстро они устанут от блога, насколько качественным будет продукт, которым они будут наполнять сеть. Отмечу, что в России созданы все условия для глобального продвижения блогинга в школьную среду, – это качественное ведение школьных социальных сетей.

Вот задачи, которые решает школа, начиная вести блог или соцсеть.

1. Через блог она может работать по созданию своего имиджа.
2. К такой работе полезно привлекать детей, они могут участвовать в профориентационной деятельности, рассказывая о мероприятиях, которые прошли или планируются в школе.
3. Педагоги смогут публично рассказывать про апробацию новых методик и находок в своей деятельности.
4. Создание образа и имиджа самих педагогов через ведение ими каких-то разделов в рамках школьного аккаунта. Это снизит затраты на контент, а педагог покажет вовлеченность в актуальную педагогическую деятельность.

5. Решение воспитательных задач. Например, можно таким образом предлагать к просмотру спектакли, самодельные постановки, детские фильмы. Решается и задача, поставленная президентом России Владимиром Путиным: подготовить уроки по изучению советского кинематографа.

6. Если в настоящее время педагоги для прохождения аттестации должны предоставлять свидетельства о публикации, то для учителя, активно участвующего в пополнении методического контента школы, отпадает необходимость что-то публиковать на сторонних ресурсах «для галочки».

Надо отметить, что, по умолчанию, школы уже имеют постоянную аудиторию из родителей и школьников.

Итак, для чего же блогинг учителю? – Это создание положительного контента для повышения престижа своей профессии, что позволяет во многом ее переосмыслить, избежав профессионального выгорания.

Это возможность быть услышанным!

Это путь к пополнению методических приемов.

Это создание образа учителя будущего, который не будет тоталитарным хранителем знаний, он станет ближе родителям и детям, а это повысит уровень доверия к нему и – в целом – к системе образования.

Наконец, это поиск учителей-новаторов, лидеров мнений, креативных, ярких, которые обычно не ладят с директором, ищущим «серых» учителей.

Сокращенные наименования вузов

Abbreviated names of universities

НГУЭУ – Новосибирский государственный университет экономики и управления

НИНГУ – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПетроГУ – Петрозаводский государственный университет

РГГМУ – Российский государственный гидрометеорологический университет

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ЧГПУ – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

<i>Подковыркина Л.Н.</i> Проблемы современного русского языка	3
<i>Екимова А.И.</i> К вопросу об особенностях современной русской деривации	6
<i>Потапова Е.Д.</i> Кофе «латте» и кофе «эспрессо» (к вопросу о языковых нормах)	11
<i>Линь Шуайань.</i> Типичные ошибки китайцев при употреблении видовременных форм русских глаголов и основные причины таких ошибок.	15
<i>Ляо Илин.</i> Сравнение русских осложненных глагольных сказуемых, выражающих длительность и непрерывность действия, с их эквивалентами в китайском языке	22
<i>Чжоу Биньбинь.</i> Особенности типологии оценочных значений в лингвистике	26
<i>Ван Мэйян.</i> Функционально-семантическая структура реактивных регистров в интеральной монологической речи персонажа (на материале романа В. Набокова «Камера обскура»)	30

Фразеология

<i>Малова Т.В.</i> Фразеологизмы чувашского и русского языков о качествах человека.	35
<i>Налимова Е.И.</i> Сопоставление русских и чувашских пословиц о дружбе и друзьях	40
<i>Николаева М.А.</i> Сопоставление русских и чувашских фразеологизмов со значением «Внешность человека».	46
<i>Чернова А.А.</i> Интеллектуальная сфера в украинских и русских фразеологизмах	51
<i>Нань Яньхуа.</i> Культурные коннотации в поговорках с компонентом-фитонимом <i>трава</i> в русском языке на фоне китайского и корейского языков	56
<i>Сун Яцян.</i> Гендер как термин в гуманитарной области: краткая история словоупотребления.	61

Лингвокультурология

<i>Мухина Д.А.</i> Соотношение понятий ирония, сарказм и чёрный юмор в прозе российских писателей.	66
<i>Шломова А.Е.</i> Цветовая картина мира в ранних стихотворениях Н.С. Гумилёва	72

<i>Михайлова А.А.</i> Лексические средства создания образа старухи в поэзии Д. Хармса	76
<i>Логинова Е.П.</i> Интертекст как средство создания художественного образа в рассказе «Чудо» Л. Петрушевской	81
<i>Михайлова А.Д.</i> Колоративная лексика в текстах песен современных исполнителей	88
<i>Ходячих Е.А.</i> Афоризмы как одна из составляющих идиостиля Ю.М. Полякова	94
<i>Чжоу Цинцин.</i> Речевая организация автобиографического нарратива женщин-художников (на материале проекта МГУ «Устная история»)	98
<i>Касьянова А.П.</i> Творчество Эриха Марии Ремарка и современные проблемы России	103
<i>Волкова Н.А.</i> Возможности блогинга для популяризации школьного образования в России	108
Сокращенные наименования вузов	111

CONTENTS

Linguistics

<i>Podkovyrkina L.N.</i> Problems of the modern Russian language.	3
<i>Ekimova A.I.</i> To the question of the peculiarities of modern Russian derivation	6
<i>Potapova E.D.</i> Coffee “latte” and coffee “espresso” (on the question of language norms).	11
<i>Lin Shuayan.</i> Typical mistakes of the Chinese when using the temporal forms of Russian verbs and the main reasons for such mistakes	15
<i>Liao Yilin.</i> Comparison of Russian complex verb predicates expressing duration and continuity of action with their equivalents in Chinese language	22
<i>Zhou Binbin.</i> Features of the typology of estimated values in linguistics	26
<i>Wang Meiyan.</i> Functional and semantic structure of reactive registers in the character’s interactive monologue (based on the novel “Camera Obscura” by V. Nabokov).	30

Phraseology

<i>Malova T.V.</i> Phraseologisms of the Chuvash and Russian languages about human qualities	35
<i>Nalimova E.I.</i> Comparison of Russian and Chuvash proverbs about friendship and friends	40
<i>Nikolaeva M.A.</i> Comparison of Russian and Chuvash phraseological units with the value «Human appearance».	46
<i>Chernova A.A.</i> Intellectual sphere in Ukrainian and Russian phraseological units	51
<i>Nan Yanhua.</i> Cultural connotations in paremias with a phytonym herb component in Russian against the background of Chinese and Korean	56
<i>Sun Yatsyan.</i> Gender as a term in the humanitarian field: a brief history of language usage	61

Linguoculturology

<i>Mukhina D.A.</i> Correlation of the concepts of irony, sarcasm and black humor in the prose of Russian writers.	66
<i>Shlomova A.E.</i> The color picture of the world in the early poems of N.S. Gumilev	72

<i>Mikhailova A.A.</i> Lexical means of depicting an old lady in the poetry of D. Kharms	76
<i>Loginova E.P.</i> Intertext as a means of creating an artistic image in the story “The Miracle” by L. Petrushevskaya	81
<i>Mikhailova A.D.</i> Colorative vocabulary in the lyrics of modern performers.	88
<i>Khodyachikh E.A.</i> Aphorisms as one of the components of the idiostyle of Yu.M. Polyakova	94
<i>Zhou Qingqing.</i> Speech organization of women artists’ autobiographical narrative (based on the project of the Moscow State University “Oral History”).	98
<i>Kasyanova A.P.</i> The work of Erich Maria Remarque and contemporary problems of Russia	103
<i>Volkova N.A.</i> Blogging opportunities for promoting school education in Russia.	108
Abbreviated names of universities	111

Научно-популярное издание

МЫ ГОВОРИМ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ

Материалы IX международной межвузовской
студенческой конференции, заочно прошедшей в РГГМУ

Ответственный редактор В.Д. Денисов

*Начальник РИО А.В. Ляхтейнен
Редактор Л.Ю. Кладова
Компьютерная верстка М.В. Ивановой*

Подписано в печать 21.12.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,25. Тираж 15 экз. Заказ № 1167.
РГГМУ, 192007, г. Санкт-Петербург, Воронежская ул., д. 79.
